

INSPIRIA

18+

ЭЛИЗАБЕТ ФРИМАНТЛ

ГАМБИТ КОРОЛЕВЫ

Развелся, казнил, умерла. Развелся, казнил, пережил.

INSPIRIA

Элизабет Фримантл
Гамбит Королевы
Серия «Novel. Королевская
трилогия Элизабет Фримантл»
Серия «Трилогия Тюдоров», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68612609
Гамбит Королевы: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-178645-8

Аннотация

Готовится экранизация. В главных ролях Алисия Викандер и Джуд Лоу.

Идеально для любителей романов Хилари Мантел и Филиппы Грегори. Понравится всем, кому по душе «Волчий зал», «Тюдоры» и «Еще одна из рода Болейн».

«Гамбит королевы» – первая книга цикла Элизабет Фримантл о выдающихся женщинах английской истории. Она повествует о Екатерине Парр, последней жене своенравного Генриха VIII, о котором англичане придумали считалку, чтобы запомнить его жен: развелся, казнил, умерла, развелся, казнил, пережила.

Король Англии Генрих VIII, успевший развестись с двумя женами, одну похоронить, а двух других казнить, ищет новую

супругу. Он обращает внимание на недавно овдовевшую леди Латимер, Екатерину Парр. Но она влюбляется в неотразимого Томаса Сеймура, шурина короля. Тогда Генрих отсылает Сеймура прочь и женится на Екатерине.

Теперь она должна положиться на свой ум, доверяя лишь верной служанке Дот. Впереди – придворные интриги, но Екатерина не намерена отказываться от любви.

«Элизабет Фримантл рисует перед читателями картину переживаний, мыслей и чувств Екатерины Парр, в жизни которой было так много страха и так мало любви. Умная, образованная женщина, писавшая книги, несколько лет балансировала на ненадежном канате любви своего супруга, короля Генриха VIII, каждую минуту рискуя сделать неверный шаг и поплатиться головой. Уверена, что любители исторических романов получают огромное удовольствие от этой книги». – *АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА, писательница*

«Хотя события, описанные в романе, происходили почти полтысячелетия назад, на самом деле он весьма актуален, потому что рассказывает о сильных и внутренне независимых женщинах, которые не желают мириться с отведенными им социальными ролями и стремятся к большему, не забывая, впрочем, и о любви. Особенно интересно было следить за судьбой служанки Дот, которая в итоге оказалась счастливее своей госпожи и получила этаким диккенсовский хеппи-энд, уравновешивающий печальную в целом историю». – *СВЕТЛАНА ХАРИТОНОВА, переводчик*

«Интерес к историческим событиям, на которых основывается роман „Гамбит Королевы“, не угасает даже сегодня. На страницах этой книги Элизабет Фримантл очень точно воссоздает Англию

эпохи Тюдоров и бережно реконструирует ушедшую в века дворцовую эстетику. При этом все герои повествования – от мудрой и благородной вдовы Екатерины Парр, ставшей шестой женой безумного Короля, до трогательной и чистой сердцем служанки Дороти Фаунтин, мечтающей о недоступном ей счастье, – выглядят настолько объемными и живыми, что им хочется сопереживать. Динамичные повороты сюжета, обилие любовных и политических интриг, а также легкий и приятный слог автора придают дополнительное очарование „Гамбиту Королевы”. Вне всяких сомнений, эта книга способна скрасить любой вечер и погрузить читателя с головой в будоражащую воображение историю, разворачивающуюся в самом центре сложносплетенной паутины Тюдоров». – *МАРИЯ ТЮМЕРИНА, Marie Claire*

Содержание

Персонажи	8
Пролог	16
1	24
2	71
Чартерхаус, Лондон, март 1543 года	71
Чартерхаус, Лондон, апрель 1543 года	80
Баржа Сеймура, Лондон, май 1543 года	111
3	118
Уайтхолльский дворец, Лондон, июнь 1543 года	118
Хэмптон-Корт, Мидлсекс, июнь 1543 года	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Элизабет Фримантл

Гамбит Королевы

© Харитонова С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Персонажи

Персонажи перечислены в алфавитном порядке по имени, которое чаще всего используется в романе.

* * *

Арагонская, Екатерина (1485–1536 гг.) – первая жена Генриха VIII, в прошлом жена его старшего брата Артура, принца Уэльского, который скончался прежде, чем унаследовал трон. Ее брак с Генрихом VIII был аннулирован, хотя католики этого так и не признали. Мать Марии Тюдор.

Аскью, Анна (ок. 1520–1546 гг.) – смелая религиозная проповедница, предположительно связанная с двором королевы. Сожжена за ересь.

Болейн, Анна; также Нан Булин (ок. 1504–1536 гг.) – вторая жена Генриха VIII, мать Елизаветы Тюдор. Поддерживала религиозную реформу. Была казнена по подозрению в инцесте с собственным братом и внебрачных связях с рядом других придворных, что было признано изменой. Обвинения с большой вероятностью были ложными.

Боро, Эдуард из Гейнсборо-Олд-Холл (ум. до 1533 г.) – первый муж Екатерины Парр.

Брэндон, Кэт; герцогиня Саффолк, урожденная

Уиллоуби де Эресби (1520–1580 гг.) – активная сторонница религиозной реформы, близкая подруга Екатерины Парр, мачеха Фрэнсис Брэндон и приемная бабушка леди Джейн Грей.

Брэндон, Фрэнсис; леди Фрэнсис Грей, графиня Дорсет (ок. 1519–1559 гг.) – жена маркиза Дорсета, племянница Генриха VIII, дочь герцога Саффолка и сестры короля, Марии Тюдор. Мать леди Джейн Грей. Сторонница религиозной реформы.

Гардинер, Стивен (ок. 1493–1555 гг.) – епископ Винчестерский, член тайного совета Генриха VIII. Ярый католик. Совместно с Ризли пытался добиться опалы Екатерины Парр, однако в результате временно попал в опалу сам.

Генрих VIII (1491–1547 гг.) – король Англии. Взошел на трон в 1509 г.

Герберт, Анна; урожденная Парр; впоследствии графиня Пемброк (ок. 1515–1552 гг.) – младшая сестра Екатерины Парр. Вышла замуж за Уильяма Герберта. Была фрейлиной при всех женах Генриха VIII. Сторонница религиозной реформы.

Герберт, Уильям; впоследствии граф Пемброк (ок. 1501–1570 гг.) – муж Анны Парр, зять Екатерины Парр. Известен как блестящий военный тактик и храбрый солдат. Член тайного совета. Сторонник религиозной реформы.

Говард, Екатерина (1525–1542 гг.) – пятая жена Генриха VIII. Казнена в возрасте около семнадцати лет за внебрач-

ную связь с мужчиной, что было признано изменой.

Грей, леди Джейн (1536/7–1554 гг.) – дочь Фрэнсис Брэндон и маркиза Дорсета, воспитанница Томаса Сеймура. Активная сторонница религиозной реформы. Королева Англии в течение менее чем двух недель. Казнена в возрасте около семнадцати лет Марией Тюдор.

Дадли, Роберт; впоследствии граф Лестер (1532–1588 гг.) – фаворит Елизаветы I.

Денни, лорд Энтони (1501–1549 гг.) – доверенное лицо Генриха VIII, член тайного совета, шурина госпожи Эстли.

Дуглас, Маргарита; графиня Леннокс (1515–1578 гг.) – племянница Генриха VIII; дочь Маргариты Тюдор, королевы Шотландии, и ее второго мужа, Арчибальда Дугласа; сводная сестра Якова V, короля Шотландии; тетка Марии, королевы Шотландии. Была заключена в тюрьму за связь с Томасом Говардом, сводным братом герцога Норфолка. Вызвала скандал своей связью с Чарльзом Говардом, братом Екатерины Говард. Вышла замуж за графа Леннокса, второго по очереди наследника шотландского трона, что стало для Генриха VIII удачным политическим ходом и дало ему возможность укрепить свое влияние в Шотландии.

Дурочка Джейн (годы жизни неизвестны) – исторический персонаж, упоминаемый в книгах личных расходов Генриха VIII, Марии I и Елизаветы I. О ней неизвестно почти ничего, кроме того, что она могла носить фамилию Биддс или Бид.

Клевская, Анна (1515–1557 гг.) – четвертая жена Генриха VIII. Брак был признан недействительным, поскольку муж и жена не вступили в супружеские отношения.

Кранмер, Томас (1489–1556 гг.) – архиепископ Кентерберийский, известный сторонник религиозной реформы. Сожжен за ересь в правление Марии Тюдор.

Латимер, лорд Джон Невилл (ок. 1493–1543 гг.) – второй муж Екатерины Парр; отец Маргариты Невилл. По некоторым свидетельствам, принимал участие (вероятно, неохотно) в католическом восстании, известном как Благодатное паломничество. Был помилован Генрихом VIII.

Оделл, Мария (ок. 1528–1558 гг. или позднее) – горничная Екатерины Парр в ее бытность вдовствующей королевой.

Невилл, Маргарита, также Мег (ок. 1526–1545 гг.) – дочь лорда Латимера, падчерица Екатерины Парр. Сторонница религиозной реформы.

Парр, Екатерина (ок. 1512–1548 гг.) – шестая жена Генриха VIII; сестра Уильяма Парра и Анны Герберт; мать Марии Сеймур. Сторонница религиозной реформы. Умерла в родах.

Парр, Уильям; впоследствии граф Эссекс и маркиз Нортгемптон (ок. 1513–1571 гг.) – брат Екатерины Парр. Член тайного совета. Много лет пытался развестись со своей женой, Анной Буршье, по причине ее измены, чтобы жениться на Елизавете Брук. Сторонник религиозной реформы.

мы.

Пэджет, сэр Уильям (ок. 1506–1563 гг.) – секретарь тайного совета, союзник епископа Гардинера.

Ризли, сэр Томас; впоследствии граф Саутгемптон (1505–1550 гг.) – лорд-канцлер Генриха VIII. Был союзником Томаса Кромвеля, однако после его падения переметнулся к епископу Гардинеру, сделавшись ярым католиком и консерватором. Вместе с Гардинером пытался добиться опалы Екатерины Парр.

Сеймур, Джейн (ок. 1508–1537 гг.) – третья жена Генриха VIII, мать принца Эдуарда, впоследствии короля Эдуарда VI. Умерла в родах. Генрих завещал похоронить себя рядом с ней, поскольку она была единственной женой, родившей ему сына.

Сеймур, Мария (род. 1548 г.) – дочь Екатерины Парр и Томаса Сеймура. После казни отца была отдана на воспитание Кэт Брэндон. Никаких исторических свидетельств о ней после 1550 г. не сохранилось.

Сеймур, Томас; впоследствии барон Сеймур Садли и лорд-адмирал (ок. 1509–1549 гг.) – четвертый муж Екатерины Парр; брат Хартфорда и Джейн Сеймур; шурин Генриха VIII. Славился своей красотой. Был казнен по ряду обвинений, включая попытку жениться на Елизавете Тюдор.

Соммерс, Уильям (ум. 1560 г.) – придворный шут Генриха VIII.

Стэнхоуп, Анна; графиня Хартфорд; впоследствии

герцогиня Сомерсет (ок. 1510–1587 гг.) – жена Хартфорда, невестка Томаса Сеймура и Джейн Сеймур. Известна своим честолюбием и неприятным характером. Доказанная сторонница религиозной реформы. Считается, что именно она передала Анне Аскью порох, чтобы облегчить ее участь на костре.

Суррей, граф; Генри Говард (ок. 1516–1547 гг.) – наследник герцога Норфолка. Поэт, который наряду с Томасом Уайеттом считается родоначальником сонетной формы в английской поэзии. Был казнен по ложным обвинениям, связанным с его правом носить определенный королевский герб, а в действительности потому, что стареющий Генрих VIII боялся возрастающего влияния Говардов.

Сэвидж, Уильям (годы жизни неизвестны) – музыкант при дворе Генриха VIII и Эдуарда VI. Был женат на Дороти Фаунтин.

Тирвитт, Лиззи; леди Елизавета Тирвитт (ум. ок. 1587 г.) – благородная дама, фрейлина Екатерины Парр. Присутствовала при ее смерти.

Тюдор, Елизавета (1533–1603 гг.) – младшая дочь Генриха VIII. Была признана незаконнорожденной, когда Генрих развелся с ее матерью, Анной Болейн. Впоследствии стала королевой Елизаветой I.

Тюдор, Мария (1516–1558 гг.) – дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Ярая католичка. Была признана незаконнорожденной. Позднее стала королевой Марией I и

вошла в историю как Мария Кровавая.

Тюдор, Эдуард (1537–1553 гг.) – единственный сын Генриха VIII. Был коронован как Эдуард VI в возрасте всего лишь девяти лет.

Фаунтин, Дороти, также Дот (годы жизни неизвестны) – служанка Маргариты Невилл, горничная королевы Екатерины Парр. Вышла замуж за Уильяма Сэвиджа.

Хартфорд, граф; Эдуард Сеймур; впоследствии герцог Сомерсет; лорд-протектор Англии (ок. 1506–1552 гг.) – старший дядя принца Эдуарда, впоследствии короля Эдуарда VI; брат Томаса и Джейн Сеймур; шурин Генриха VIII; муж Анны Стэнхоуп. Сторонник религиозной реформы. Был казнен за измену.

Хьюик, доктор Роберт (ум. ок. 1581 г.) – лекарь Генриха VIII и Екатерины Парр. Засвидетельствовал завещание Екатерины Парр.

Этли, Екатерина, урожденная Чемперноун (ок. 1502–1565 гг.) – гувернантка Елизаветы Тюдор. Пыталась устроить брак между Елизаветой и Томасом Сеймуром, за что едва не поплатилась головой.

Юдалл, Николас (ок. 1504–1556 гг.) – мыслитель, драматург, автор пьесы «Ральф Ройстер Дойстер», которая считается первой английской комедией. Бывший ректор Итонского колледжа, смещенный с этого поста по причине «аморальности». Друг Екатерины Парр. Сторонник религиозной реформы.

Я старалась по возможности придерживаться известных фактов о людях и событиях этого исторического периода. Полностью выдуманы лишь некоторые эпизодические персонажи, такие как конюхи, стюарды и языкастая Бетти Мелкер. Испытания, перенесенные Екатериной в Снейпе, – исторический факт, однако Мергатройд – тоже вымышленный персонаж.

Наибольшие вольности я позволила себе с Дот и Хьюиком. О Дороти Фаунтин неизвестно практически ничего, кроме написанного выше. Она почти наверняка была более высокого рождения, чем я описала. Что касается доктора Хьюика, то нет никаких исторических свидетельств о его гомосексуализме. Несмотря на все сказанное выше, «Гамбит королевы» – художественное произведение, поэтому всех моих персонажей можно назвать вымышленными. Учитывая, как давно происходили описанные события, даже исторические «факты» во многом основаны на гипотезах и могут толковаться неправильно, а мысли и чувства людей той эпохи можно лишь вообразить.

Пролог

Чартерхаус, Лондон, февраль 1543 года

Когда одни чувства угасают, другие поразительно обостряются. Латимер чует поднимающийся из кухни запах дрожжей и мокрой шерсти спаниеля, свернувшегося клубком у очага. Нотариус пахнет элем, пылью и чернилами. А вот зрение подводит: все кругом плывет, и Латимер различает лишь неясный силуэт да смутные очертания улыбки, когда нотариус склоняется к его постели.

– Милорд, поставьте подпись вот здесь, – нарочито медленно и внятно произносит нотариус, словно обращаясь к ребенку или слабоумному.

Латимера окутывает аромат фиалок – это Екатерина, его драгоценная Кит.

– Я помогу тебе, Джон.

Она с легкостью приподнимает Латимера, чтобы подложить подушку под спину. Вот, значит, как сильно он исхудал за последние три месяца... Опухоль в желудке, твердая и круглая, как грейпфрут, пожирает его изнутри.

Из груди вырывается нечеловеческий стон: движение породило волну мучительной боли, которая все глубже впивается в тело.

– Любимый мой...

Прохладная ладонь Екатерины прикасается ко лбу. Звякает склянка, вспыхивает отраженным светом ложка, прохладный металл прижимается к губам, и в горло стекает горькая жидкость. Землистый аромат вызывает полустертое воспоминание о конных прогулках в лесу, а с ним приходит печаль: дни прогулок для Латимера безвозвратно миновали.

Жидкость застревает в горле. Он боится глотать – ведь малейшее движение снова разбудит боль, которая лишь притаилась и ждет своего часа. Ждет и нотариус, смущенно переминаясь с ноги на ногу, будто не привык иметь дело с умирающими. Странно – разве не этим он зарабатывает себе на хлеб?

Ласковое прикосновение жены помогает сделать глоток. Теперь боль отступит: Екатерина знает толк в снадобьях. Наверняка сумела бы приготовить и зелье, способное освободить Латимера от мучений, – ведь любая из трав, утоляющих боль, может и убить; лекарство от яда отличает доза. Да только можно ли о таком просить?..

Нотариус вкладывает ему в руку перо и ставит на бумагу. Один росчерк – и Екатерина становится обеспеченной дамой. Дай-то бог, чтобы это не навлекло на нее охотников за богатыми невестами!.. Впрочем, она слишком умна, чтобы попасться в сети сладкоречивого корыстолюбца.

Екатерине недавно минуло тридцать, однако с годами она лишь сильнее расцвела и по-прежнему сияет очаровани-

ем, которое некогда сразило Латимера – пожилого вдовца. Сколько боли и горя он ей невольно причинил!.. При мысли об этом хочется плакать, однако истерзанное болезнью тело неспособно даже на слезы.

Завещать жене замок Снейп в Йоркшире Латимер не стал. Много раз Екатерина говорила, что не желает больше бывать в тех краях, поэтому Снейп отойдет юному Джону. Сын, увы, не оправдал надежд, и порой Латимер гадает, какое дитя могла бы ему подарить Екатерина, однако размышления эти неизменно омрачает воспоминание о мертвом младенце – проклятом плоде насилия, которое учинили в Снейпе мятежные католики. Известие о том, что отцом ребенка оказался не кто иной, как Мергатройд, причинило Латимеру немало боли. Мергатройд, славный малый, который еще ребенком так часто ездил с ним на охоту!.. В те времена невозможно было и вообразить, *чем* он станет.

Латимер проклиная тот день, когда оставил жену с детьми в замке и отправился ко двору – вымаливать прощение у короля. Проклинает себя за слабость, приведшую его в сети мятежа. С тех пор минуло шесть лет, однако события эти неизгладимо высечены в памяти, как надпись на могильной плите.

Екатерина поправляет покрывало, напевая незнакомую мелодию, и Латимера захлестывает любовь к жене. Их брак был заключен по любви – во всяком случае, с его стороны, – однако свой долг перед женой он не выполнил, не защитил

ее!.. А Екатерина тогда ни словом, ни взглядом его не упрекнула – хранила спокойное молчание, и только живот ее рос день ото дня, сводя Латимера с ума. Лишь после того как проклятый младенец умер, не прожив на свете и часа, Латимер заметил следы слез на лице жены, хотя вслух она так ничего и не произнесла.

Опухоль, пожирающая теперь внутренности Латимера, – его наказание, и сделать Екатерину богатой – единственный способ искупить вину перед ней. Мыслимо ли просить ее о страшном одолжении? А ведь окажись она хоть на мгновение в его измученном теле, сама догадалась бы о желании Латимера и исполнила бы его – как акт милосердия.

Екатерина провожает нотариуса, садится у кровати, снимает арселе¹ и массирует виски кончиками пальцев. Цветочный аромат ее рыжеватых, точно с полотен Тициана, волос вызывает у Латимера мучительное желание зарыться в них лицом. Екатерина открывает книгу. Латинские фразы, написанные Эразмом², легко соскальзывают с ее языка, да только Латимер уже совсем позабыл латынь и не помнит, о чем эта книга. Екатерина образованна гораздо лучше, чем он, хотя со свойственной ей скромностью всегда это скрывает.

Раздается негромкий стук в дверь. Пришла Маргарита, а

---

¹ Арселе – женский головной убор XVI века в форме подковы или сердца с вуалью, закрывающей волосы. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² Имеется в виду Эразм Роттердамский (1466/67–1536 гг.) – голландский ученый, мыслитель, редактор издания Нового Завета на греческом с комментариями, основоположник критического исследования Священного Писания.

с ней неотесанная служанка, чье имя Латимер никак не может вспомнить. Бедняжка Маргарита после встречи с Мергатройдом и его кликой стала пугливой, как лань, и Латимер не раз гадал, что же с ней сделали.

Молодой спаниель крутится у ног девушек, отчаянно виляя хвостом.

– Как вы себя чувствуете, отец? – шепчет Маргарита, запечатлев на его лбу поцелуй, пахнувший весенним лугом.

Исхудавшей, как засохшая ветка, рукой Латимер накрывает ее юную нежную ладонь и силится улыбнуться.

– Матушка, прибыл Хьюик, – сообщает Маргарита.

– Дот, будь добра, приведи доктора, – приказывает Екатерина.

– Сию минуту, миледи, – откликается служанка и удаляется, шелестя юбками.

– Дот, и еще...

Та останавливается в дверях.

– Попроси кого-нибудь принести дров для камина – совсем закончились.

Девушка кивает.

– Джон, сегодня ведь день рождения Маргариты, – говорит Екатерина. – Ей уже семнадцать!

Латимер хочет увидеть Маргариту, поймать взгляд ее карих глаз, однако улавливает лишь размытые очертания лица.

– Семнадцать!.. Моя малютка Маргарита Невилл стала женщиной, – выговаривает он хриплым голосом. – Скоро

какой-нибудь славный молодой человек захочет на тебе жениться...

Маргарита утирает слезы. Как удар под дых, приходит осознание: узнать, кто попросит руки дочери, Латимеру не суждено.

Входит Хьюик. Всю неделю он ежедневно навещает Латимера, а тот гадает – отчего король поручил своему личному лекарю заботу о едва не обесчестившем себя северном лорде? Екатерина верит, что это знаменует собой полное помилование, тем не менее Латимер знает короля достаточно хорошо, чтобы угадывать за этим поступком скрытые мотивы.

Маргарита уходит, на прощанье вновь поцеловав отца. Доктор худой черной тенью приближается к кровати, откидывает покрывало, и комнату наполняет мерзкая вонь. Прикосновение легких пальцев, затянутых в тонкие лайковые перчатки, вызывает у Латимера отвращение. Хьюик никогда не снимает перчаток, а поверх них носит перстень с гранатом размером с глаз. Латимер испытывает болезненную ненависть к лекарю за эти перчатки, притворяющиеся человеческими руками, и ощущает себя нечистым.

От острого укола боли дыхание становится частым и поверхностным. Хьюик подносит к носу склянку с какой-то жидкостью – вероятно, мочой, – рассматривает ее на свет и о чем-то тихо переговаривается с Екатериной. В присутствии молодого доктора та лучится приятной улыбкой. Чудной, женоподобный Хьюик угрозы не представляет, однако Латимер все рав-

но ненавидит его – за перчатки, за молодость, за блестящее будущее. Такой молодой, а уже в услужении у короля! Ясно, что судьба готовит ему приятные дары, а вот у Латимера будущего не осталось. Под негромкий разговор он погружается в дрему.

– Я напоила его новой болеутоляющей настойкой, – говорит Екатерина. – Из пустырника и коры белой ивы.

– У вас дар к врачеванию, – замечает Хьюик. – Я бы не догадался о таком сочетании.

– Я увлекаюсь растениями – выращиваю лечебные травы в своем маленьком садике. Люблю смотреть, как они растут... А еще у меня есть книга Банкаса.

– «Травник» Банкаса! Лучший из подобных трудов – во всяком случае, по-моему. Академики считают иначе.

– Должно быть, в их глазах это женское чтение.

– Вы правы, и именно потому я так ценю эту книгу. В целительстве женщины разбираются лучше всех ученых Оксфорда и Кембриджа. Впрочем, это мнение я предпочитаю держать при себе.

Латимера охватывает жестокий приступ боли. Он слышит крик и не сразу понимает, что кричит сам.

Хьюик ушел – должно быть, Латимер ненадолго забылся сном. Постепенно от боли остается лишь приглушенное эхо, и Латимера внезапно охватывает настойчивое желание поговорить с Екатериной, выразить свою просьбу, пока дар речи его не покинул. Только какими словами?..

Он хватается Екатерину за запястье, дивясь собственной силе, и хрипит:

– Дай мне еще настойки...

– Нельзя, Джон. На сегодня достаточно, иначе... – Она умолкает, не окончив фразы.

Латимер крепче сжимает ее руку и со стоном произносит:

– Этого я и хочу, Кит!

Она молча смотрит ему в глаза, а он словно читает ее мысли: какой строкой из Библии оправдать такой поступок? Как примириться с ним? Как решиться на злодеяние, за которое можно угодить на виселицу?.. А если бы перед ней был истерзанный псами фазан, разве не убила бы она его без малейшего колебания?..

– То, о чем ты просишь, обречет на вечное проклятие нас обоих, – шепчет Екатерина.

– Я знаю, – отвечает Латимер.

1

Уайтхолльский дворец, Лондон, март 1543 года

Башни Уайтхолльского дворца, засыпанные неожиданным снегопадом, сливаются с мучнисто-белым небом. Хотя брусчатка покрыта опилками, ноги все равно утопают в снежном месиве по щиколотку. В туфли просачивается холодная влага, намокшие юбки больно бьют по лодыжкам. Пожившись, Екатерина плотнее закутывается в плащ.

Грум помогает Маргарите сойти с коня, и Екатерина, протягивая ей руку, говорит с деланой бодростью:

– Вот и приехали! Пойдем скорее внутрь.

Краска, заливающая щеки Маргариты, оттеняет ясную глубину ее карих глаз. Она похожа на испуганного дикого зверька и с трудом сдерживает слезы. Смерть отца потрясла ее до глубины души.

Слуги расседлали лошадей и теперь, перешучиваясь, растирают их соломой. Пьютер, серый мерин Екатерины, встряхивает головой, позвякивая сбруей, и из пасти у него, как у дракона, вылетают облачка пара.

– Тише, мальчик, тише, – успокаивает Екатерина, поглаживая его по бархатистому носу, и конь утыкается мордой ей в плечо. Она вручает конюху поводья. – Коня нужно на-

поить. Тебя ведь Рейф зовут?

– Да, миледи, – краснеет юноша. – Я помню Пьютера, делал ему припарки.

– Да, он хромал. Ты хорошо тогда потрудился.

Конюх радостно улыбается.

– Спасибо, миледи!

– Тебе спасибо! – отвечает она, и Рейф уводит Пьютера в конюшню.

Екатерина берет Маргариту за руку и ведет ее к крыльцу. Боль от утраты мужа еще не прошла, и Екатерина предпочла бы не появляться при дворе, однако их призвала дочь короля – от таких приглашений не отказываются. К тому же Екатерине нравится леди Мария³: они знакомы с детства и даже учились у одного наставника, когда мать Екатерины была в услужении у матери Марии – королевы Екатерины Арагонской⁴, пока король не отрекся от нее. Тогда все было проще. Это потом мир перевернулся, и страна раскололась надвое.

Впрочем, оставаться при дворе Екатерина пока не намерена. Мария наверняка проявит уважение к ее трауру.

Горькие воспоминания о том, какую роль Екатерина сыграла в смерти мужа, вскипают в груди, как молоко. Чтобы

---

³ Мария Тюдор (1516–1558 гг.) – старшая дочь Генриха VIII, впоследствии королева Англии Мария I Кровавая. После расторжения брака Генриха с ее матерью была признана незаконнорожденной.

⁴ Екатерина Арагонская (1485–1536 гг.) – первая жена Генриха VIII. Брак с ней был расторгнут на том основании, что ранее она была женой Артура, покойного старшего брата Генриха, а жениться на жене брата запрещает Библия.

примириться с содеянным, она постоянно напоминает себе о муках Латимера – о криках боли, о его истерзанном теле, об отчаянной просьбе... Екатерина вдоль и поперек изучила Библию в поисках оправдания, однако не нашла ни одной строчки об убийстве во благо. Она убила собственного мужа, и ее греху нет прощения.

Держась за руки, Екатерина и Маргарита входят в Большой зал. Внутри пахнет дымом и мокрой шерстью. Люди толпятся, как на рыночной площади в базарный день, – стоят в нишах, прогуливаются по галереям, щеголяя друг перед другом изысканными нарядами, играют на деньги в «лису и гусей»⁵, карты или кости и приветствуют выигрыши и проигрыши громкими криками.

Маргарита потрясенно оглядывается по сторонам. Она редко покидает родные стены, никогда не бывала при дворе, и после гробовой тишины, царящей в траурном Чартерхаусе, перемена для нее слишком резкая. В своих траурных платьях Екатерина и Маргарита кажутся чужими среди разодетых дам, которые плывут по залу, покачивая яркими юбками, будто в танце, и наблюдают исподтишка, кто восхищается их нарядами, а кто одет лучше. В моде маленькие собачки – они сидят на руках или семенят следом за хозяйками. Один находчивый песик пристроился на длинном шлейфе платья, и это забавное зрелище даже у Маргариты вызывает улыбку.

---

⁵ «Лиса и гуси» – похожая на шашки настольная игра, которая была популярна в средневековой Европе.

Бегают туда-сюда пажи и распорядители, слуги парами тащат корзины с дровами для каминов. Десятки кухонных мальчишек накрывают к ужину длинные столы. Большой зал полнится звоном посуды. Ему вторят разрозненные звуки музыкальных инструментов, которые постепенно складываются в связную мелодию. Екатерина с наслаждением прислушивается к музыке. Как хорошо было бы закружиться в танце!.. Впрочем, она запрещает себе эти мысли: танцевать пока рано.

Проходит отряд стражников, и все расступаются, чтобы дать им дорогу. Екатерина гадает, куда они идут – уж не арестовывать ли кого-нибудь?.. До чего же не хочется быть при дворе! Однако приказ есть приказ.

Неожиданно чьи-то ладони закрывают ей глаза. От испуга перехватывает дыхание, но она быстро догадывается, кто стоит за спиной, и со смехом объявляет:

– Уильям Парр, я тебя знаю!

– Но как?! – изумляется Уильям.

– Твой запах ни с чем не спутать, братец! – отвечает Екатерина, с притворным отвращением зажав нос.

Уильям широко улыбается; торчат во все стороны взлохмаченные медные волосы, в разноцветных глазах (один бледно-голубой, другой карамельный) мерцают озорные искорки.

От группы друзей, окружающих Уильяма, отделяется мужчина, сплошь состоящий из длинных линий – нос, лицо,

ноги, глаза, как у гончей. И все же он довольно привлекателен – возможно, благодаря непоколебимой уверенности в себе, которую сообщает ему статус старшего из братьев Говардов и будущего герцога Норфолка.

– Леди Латимер! И не упомяну, когда в последний раз имел удовольствие вас видеть.

– Суррей! – улыбается Екатерина. Возможно, пребывание при дворе будет не таким уж невыносимым. – А вы по-прежнему пишете стихи?

– Пишу и рад сообщить, что заметно усовершенствовался в этом искусстве.

Когда они были еще детьми, Суррей сочинил для Екатерины сонет, который потом служил неизменным поводом для шуток из-за рифмы «добродетель» – «задеть бы». Вспомнив об этом «юношеском недоразумении», как характеризовал его сам поэт, Екатерина невольно смеется.

– Мне горько видеть вас в трауре, – посерьезнев, говорит Суррей. – Я слышал, как сильно страдал ваш муж. Должно быть, смерть стала для него избавлением.

Екатерина молча кивает и пристально вглядывается в лицо Суррея, пытаясь угадать, подозревает ли он. А вдруг обстоятельства кончины Латимера уже известны? Вдруг о них всюду судачат при дворе? Может быть, бальзамировщики нашли следы отравы во внутренностях покойника?..

Екатерина отгоняет тревожные мысли. Настойка, которую она дала мужу, не оставляет следов, а в тоне Суррея нет угро-

зы. Если кто-то и заметит смятение вдовы, то объяснит это горем. Тем не менее сердце ее отчаянно колотится. Взяв себя в руки, она говорит:

– Позвольте представить мою падчерицу – Маргариту Невилл.

Маргарита стоит чуть поодаль, и мысль о том, чтобы быть представленной мужчинам, ее явно пугает, пусть даже Уильям ей фактически дядя. Беспокойство передается и Екатерине. После несчастья, произошедшего в Снейпе, она всеми силами старалась оградить падчерицу от мужского общества, однако сейчас выхода нет. Да и в любом случае, Маргарите рано или поздно придется выйти замуж, а долг Екатерины – об этом позаботиться. Но пока – видит бог! – девочка совсем не готова.

– Маргарита, – говорит Суррей, беря ее за руку, – я знал вашего отца. Он был замечательным человеком!

– Верно... – шепчет Маргарита со слабой улыбкой.

– А меня кто представит?

Высокий мужчина выступает вперед и кланяется, картинно размахивая бархатным беретом, который украшен страусиным пером размером с каминную метелку. Екатерина с трудом сдерживает подступающий смех.

Одет незнакомец роскошно: черный бархатный дублет с алым атласом в прорезях дополнен собольим воротником. Заметив, что Екатерина рассматривает мех, мужчина поглаживает его, словно желая подчеркнуть свой высокий статус,

и она пытается вспомнить, кому по сумптуарным законам⁶ разрешено носить соболя.

Пальцы, до безвкусия унизанные кольцами, перебегают с воротника ко рту. Незнакомец медленно и серьезно проводит по губам, и под прямым открытым взглядом его глаз цвета самого синего барвинка Екатерина невольно краснеет и отворачивается, успев заметить трепетание ресниц. Он что, подмигнул? Какое бесстыдство!.. Да нет, конечно же, почудилось. Однако с чего вдруг чудится, будто разодетый в пух и прах щеголь ей подмигивает?

– Томас Сеймур, позвольте представить вам мою сестру, леди Латимер, – говорит Уильям, которого явно позабавил этот обмен взглядами.

Ну конечно! Томас Сеймур, носитель сомнительного титула самого красивого мужчины при дворе, вечный предмет сплетен и девичьих влюбленностей, разбиватель сердец и разрушитель браков. Приходится признать: он действительно красив. Однако Екатерина неподвластна его чарам – слишком давно живет на свете.

– Благодарю счастливый случай, подаривший мне счастье знакомства с вами, – мурлычет Сеймур.

Суррей закатывает глаза – очевидно, Сеймур не вызывает

---

⁶ Сумптуарные законы – законы, направленные на ограничение роскоши. Во время правления Генриха VIII было принято четыре таких закона, в соответствии с которыми одежда из определенных материалов, включая меха и шелк, была разрешена только мужчинам определенного статуса. На женщин законы не распространялись.

у него симпатии.

– Счастливым случаем, подарившим счастье! – не сдержавшись, всплескивает руками Екатерина. – Бог мой!

– Я много слышал о ваших прелестях, миледи, и едва не лишился дара речи, узрев их воочию, – невозмутимо поясняет Сеймур.

Екатерина лихорадочно подбирает остроумный ответ. Чтобы не смотреть Сеймуру в глаза, она переводит взгляд на его рот, однако при виде влажного розового языка только сбивается с мысли. Существенный вклад в «прелести», о которых он говорит, вероятно, сделало недавно обретенное богатство. Должно быть, в свет просочились слухи о завещании Латимера, и винить в этом наверняка стоит брата. Ох уж этот болтун!

– Представьте, Суррей, господин Сеймур лишился дара речи. Избавь же его Господь от других утрат!

Мужчины громко смеются. Екатерина довольна: находчивость все-таки не изменила ей даже перед лицом признанного сердцееда. Маргарита смотрит на мачеху во все глаза: ей еще не доводилось слышать придворного острословия. Екатерина ободряюще улыбается.

Потом Уильям представляет Маргариту Сеймуру, и тот пожирает ее глазами.

– Пойдем, Мег, мы опаздываем к леди Марии, – говорит Екатерина, решительно беря падчерицу за руку.

– Как краток был миг удовольствия! – с притворным от-

чаянием восклицает Сеймур.

Екатерина оставляет эту реплику без ответа, целует Суррея в щеку и отворачивается, небрежно кивнув Сеймуру.

– Я провожу вас, – предлагает Уильям и берет Екатерину под одну руку, а Маргариту под другую.

– Я бы предпочла, Уилл, чтобы ты не обсуждал мое наследство со своими друзьями! – шипит Екатерина, когда они отходят достаточно далеко.

– Ты слишком скоро на обвинения, сестрица! Я ничего не говорил. Слух пустил кто-то другой, и это было неизбежно...

– О каких тогда прелестях, позволь узнать, шла речь? – перебивает Екатерина.

– Я уверен, Кит, что он употребил это слово в самом прямом значении! – смеется брат.

Она фыркает.

– Хватит уже разыгрывать сердитую старшую сестру!

– Прости, Уилл. Конечно, в том, что люди болтают, нет твоей вины.

– Это ты прости. Тебе сейчас нелегко... – Он прикасается к черному шелку. – Мне недостает такта.

Они молча идут по длинной галерее к покоям леди Марии. Уильям мрачен – должно быть, досадует, что траур носит Екатерина по мужу, а не он по своей жене. Уильям и Анна Буршье возненавидели друг друга с первого взгляда, однако на нее и ее титул, который помог бы роду Парр восстановить былой престиж, возлагались большие надежды. Что-

бы добиться для Уильяма брака с единственной наследницей престарелого графа Эссекса, мать поставила семью на грань разорения.

На деле этот союз не принес бедняге Уильяму ничего – ни наследников, ни титула, ни счастья, один лишь позор. Графский титул достался Кромвелю, а Анна сбежала с каким-то сельским священником. И по сей день Уильяма донимают шуточками о «клерикальных недоразумениях», священниках и пасторах. Сам он ничего смешного в этом не видит и тщетно добивается у короля развода.

– Думаешь о жене? – спрашивает Екатерина.

– Как ты догадалась?

– Я слишком хорошо тебя знаю, Уилл.

– Она родила этому проклятому священнику еще одного ублюдка!

– Поверь, Уилл, рано или поздно король переменит мнение, и ты сможешь наконец сделать Елизавету Брук честной женщиной.

– Терпение Лиззи подходит к концу! – восклицает Уильям. – Подумать только, какие надежды наша матушка возлагала на этот брак, сколько сил к нему приложила!

– Быть может, и к лучшему, что она не дожила до этого дня.

– А ведь как она мечтала увидеть новый расцвет Парров!

– Наша фамилия и без того благородна, Уилл. Наш отец служил прежнему королю, а его отец – Эдуарду IV. Наша

мать была в услужении у королевы Екатерины, – погибает пальцы Екатерина. – Чего еще желать?

– Все это было давно, – возражает Уильям. – Отца я даже и не помню.

– У меня остались о нем лишь смутные воспоминания, – признает Екатерина, хотя ясно помнит день похорон и возмущение от того, что ее, шестилетнюю, сочли слишком маленькой, чтобы принимать в них участие. – К тому же наша сестра Анна служила всем пяти королевам, а сейчас состоит при дочери короля. Скорее всего, в будущем к ней присоединюсь и я.

Честолюбивые помыслы брата вызывают у Екатерины досаду. Если его так заботит положение Парров, стоило бы водиться с нужными людьми, а не с Сеймуrom. Пусть тот – дядя принца Эдуарда⁷, однако влияние на короля имеет не он, а его старший брат Хартфорд⁸.

Поворчав еще немного, Уильям затихает, и они молча пробираются сквозь толпу придворных у королевских покоев. Неожиданно Уильям спрашивает:

– Что скажешь о Сеймуре?

– О Сеймуре?

– О нем самом.

---

⁷ Принц Эдуард (1537–1553 гг.) – единственный законный сын Генриха VIII, будущий король Эдуард VI.

⁸ Граф Хартфорд, Эдуард Сеймур (ок. 1506–1552 гг.) – старший брат Джейн и Томаса Сеймуrow, дядя принца Эдуарда, одна из влиятельнейших фигур при дворе Генриха VIII.

– Ничего особенного, – резко отвечает Екатерина.

– Тебя он не потряс?

– Нисколько!

– Я подумал – почему бы не женить его на Маргарите?

Услышав это, Маргарита бледнеет.

– На Маргарите?! Ты лишился рассудка? – восклицает Екатерина, понимая, что Сеймур просто сожрет девочку с потрохами. – Ей еще рано выходить замуж. Она совсем недавно похоронила отца.

– Это всего лишь...

– Нелепое предложение, – заканчивает Екатерина.

– Он не такой, как ты думаешь, Кит. Он один из нас.

Под этим, очевидно, имеется в виду то, что Сеймур исповедует новую веру. Однако сама Екатерина предпочитает держаться от придворных реформистов подальше и не раскрывать свои убеждения. Годы при дворе научили ее держать язык за зубами.

– СURREЮ он не нравится.

– О, это семейные раздоры, вера здесь ни при чем! Говарды считают Сеймура выскочками. Однако Томаса это не волнует.

Екатерина фыркает.

Уильям расстается с ними перед новым портретом короля. Картина написана совсем недавно – в воздухе еще витает запах краски, цвета сочные, мелкие детали выписаны золотом.

– Это последняя королева? – спрашивает Маргарита, указывая на печальную женщину в чепце, изображенную рядом с королем.

– Нет, Мег, – шепотом отвечает Екатерина и прикладывает палец к губам. – О последней королеве при дворе лучше не упоминать. Это королева Джейн⁹, сестра Томаса Сеймура, которого нам сегодня представили.

– Но почему она? Ведь с тех пор было еще две королевы.

– Потому что королева Джейн подарила королю наследника.

Не говоря уже о том, что Джейн Сеймур успела умереть раньше, чем ему наскучила.

– Значит, это – принц Эдуард? – Маргарита указывает на мальчика – миниатюрную копию отца во всем, вплоть до позы.

– Верно, а это – леди Мария и леди Елизавета¹⁰, – поясняет Екатерина, указывая на девочек, которые, словно бабочки, порхают по краям полотна.

– Вижу, вас восхищает мой потрет! – раздается голос за спиной.

Екатерина оборачивается и изумленно восклицает:

---

⁹ Джейн Сеймур (1508–1537 гг.) – третья жена Генриха VIII, мать его единственного законного сына. Умерла от родильной горячки. Томас Сеймур и Эдуард Сеймур, граф Хартфорд, – ее родные братья.

¹⁰ Елизавета Тюдор (1533–1603 гг.) – дочь Генриха VIII от второй жены, Анны Болейн. После того как мать казнили за измену, была признана незаконнорожденной. Впоследствии стала королевой Елизаветой I.

– Ваш портрет, Уильям Соммерс?!

– Неужели вы меня не заметили?

Екатерина вглядывается в картину и наконец находит его на заднем плане.

– Ах, вот вы где!.. – Она поворачивается к падчерице. – Мег, это Уильям Соммерс – шут короля, самый честный человек при дворе.

Он протягивает руку и вытаскивает медную монетку у Маргариты из-за уха. Та весело смеется, что в последнее время случается редко.

– Как вы это сделали? – изумленно спрашивает она.

– Волшебство! – отвечает шут.

– В волшебство я не верю, однако фокус действительно хорош! – признает Екатерина.

Смеясь, они входят в покои леди Марии. У дальней двери стоит ее фаворитка, Сюзанна Кларенсье, и шипит на входящих, будто гадюка.

– У нее опять головные боли, не шумите, – шепотом поясняет Сюзанна с натянутой улыбкой. Осмотрев Екатерину с ног до головы и, очевидно, прикинув стоимость ее наряда, она добавляет: – Очень мрачно! Леди Мария будет недовольна... Ах, простите, я забыла, что вы в трауре! – И Сюзанна прикрывает рот рукой.

– Понимаю и не держу на вас зла.

– Ваша сестра в личных покоях леди Марии. Прошу меня простить, мне еще нужно... – Не окончив фразы, Сюзанна

уходит в спальню и тихо закрывает за собой дверь.

Екатерина обменивается приветственными кивками с дамами, которые сидят в комнате за вышиванием, и направляется к сестре, устроившейся в нише у окна.

– Кит, как я рада наконец тебя видеть! – Анна обнимает сестру. – И тебя, Маргарита! – Она целует Маргариту в обе щеки; та заметно расслабилась, оказавшись в исключительно женском обществе. – Ступай посмотри на гобелены. На одном из них выткан твой отец. Сможешь найти?

Маргарита отходит к гобеленам, а сестры устраиваются на лавке в оконной нише.

– Так почему же меня вызвали? Тебе что-нибудь известно? – спрашивает Екатерина, не в силах оторвать глаз от сестры – от ее беззаботной улыбки, сияющей кожи, идеального овала лица, светлых прядок, выбившихся из прически.

– Леди Мария будет крестной матерью. На церемонию пригласили многих.

– Значит, не только меня... Я рада! Кто же крестник?

– Дочь Ризли¹¹, нареченная...

– Марией! – заканчивает Екатерина в унисон с сестрой, и обе весело смеются. – Ах, Анна, как я рада тебя видеть! В доме моем царит уныние.

– Я навещу тебя в Чартерхаусе, когда принцес... – Анна в испуге закрывает рот ладонями и поспешно поправляет-

---

¹¹ Томас Ризли (1505–1550 гг.) – приближенный Генриха VIII, в описываемое время занимал пост лорда-канцлера и лорда-хранителя Малой печати.

ся: – ...когда леди Мария меня отпустит, – а потом, наклонившись, шепчет сестре на ухо: – Леди Хасси отправили в Тауэр за то, что она называла леди Марию принцессой.

– Я помню, но то было давно, и она делала это нарочно. Разве можно наказывать за оговорку?

– О, Кит, ты слишком долго не была при дворе! Неужели забыла, каково здесь?

– Как в змеином гнезде... – вздыхает Екатерина.

– Я слышала, король посылал Хьюика лечить твоего мужа, – говорит Анна.

– Послал. Почему – не понимаю.

– Значит, Латимер был окончательно прощен.

– Видимо, так.

Екатерина так до конца и не поняла, какую роль Латимер играл в восстании, получившем название Благодатного паломничества¹². Тогда весь север Англии – сорок тысяч католиков – восстал против реформации Кромвеля. Некоторые предводители повстанцев явились в Снейп, вооруженные до зубов. В большом зале велись ожесточенные споры, суть которых Екатерина не улавливала, а потом Латимер стал готовиться к отъезду, хотя и без особого желания. Жене он объяснил это тем, что повстанцам нужны предводители вроде него. Екатерина гадала, какими угрозами его вынудили при-

---

¹² Благодатное паломничество (1536–1537 гг.) – восстание на севере Англии против религиозных реформ, начавшихся после отделения от Римской католической церкви. Главной причиной недовольства восставших был повсеместный роспуск монастырей.

соединиться к мятежу. Конечно, Латимер сочувствовал восставшим: их монастыри рушили, их монахов вешали, весь их жизненный уклад летел под откос, любимую народом королеву изгнали, а наглая девица Болейн вила веревки из короля. Однако восстать против своего господина и повелителя? На Латимера это было не похоже.

– Ты так толком и не рассказала мне о мятеже, – замечает Анна. – О том, что случилось в Снейпе.

– Об этом я предпочла бы забыть, – откликается Екатерина.

При дворе со временем сложилась своя версия событий. Общеизвестно, что после поражения мятежников Латимер поехал в Вестминстер – молить короля о пощаде. Мятежники сочли его предателем и отправили в Снейп Мергатройда, который разгромил замок и взял Екатерину и Маргариту в заложники. Об этом долго сплетничали при дворе, но никто, даже Анна, не знал о мертвом младенце – бастарде Мергатройда. Никто не знал и того, что Екатерина отдалась насильнику сама в отчаянной попытке спасти Маргариту и Дот. Попытка удалась, и Екатерина стойко хранит этот мрачный секрет, однако порой задумывается, что скажет об этом Бог – ведь измена есть измена.

Она не раз задавалась вопросом, почему все предводители мятежников, а с ними две с половиной сотни человек, включая Мергатройда, были повешены по приказу короля и только Латимер избежал этой участи. Быть может, он дей-

ствительно их предал? Мергатройд считал именно так, но Екатерина предпочитает думать, что Латимер остался верен делу, иначе ради чего было это все?.. Однако правды теперь никто не узнает.

– Анна, а ты ничего не слышала насчет Латимера? Почему он был помилован? Какие слухи ходили при дворе?

– Нет, до меня ничего не доходило. – Анна кладет ладонь сестре на плечо. – Не вспоминай больше об этом. Дело прошлое.

– Верно...

Увы, прошлое разъедает настоящее, как червоточина в яблоке. Екатерина задумчиво смотрит на Маргариту, которая пытается найти отца на гобеленах. Его портрет хотя бы не уничтожили, как другие...

Она переводит взгляд на сестру. Милая, верная, простая Анна!.. Сестра дышит свежестью, живая, как сама жизнь, и Екатерина с болью в сердце догадывается о причине. Положив ладонь Анне на живот, она спрашивает:

– Нет ли у тебя какого-нибудь секрета, сестрица? – надеясь, что сумела за улыбкой скрыть укол зависти к плодовитому чреву сестры. Именно беременность придает Анне цветущий вид – беременность, о которой Екатерина тщетно мечтает сама.

Анна краснеет.

– И как только ты всегда все понимаешь, Кит!

– Какое замечательное известие! – восклицает Екатерина,

с горечью осознавая, что ее вдовство и возраст делают беременность неосуществимой мечтой. Ни одного ребенка не произвела она на свет, не считая мертвого младенца, о котором нельзя говорить.

Должно быть, эти печальные размышления отражаются на ее лице, потому что Анна накрывает ее руку своей.

– Еще не все потеряно, Кит. Ты наверняка вновь выйдешь замуж.

– Нет уж, двух мужей мне вполне достаточно, – твердо отвечает Екатерина и добавляет шепотом: – Но за тебя я очень рада. Уж этот-то младенец не будет католиком, крещенным леди Марией!

Анна предостерегающе прикладывает палец к губам, и они обмениваются улыбками. Сестра прикасается к распятию, висящему на шее Екатерины. Солнечные лучи играют на ограненных камнях.

– Бриллиантовое распятие нашей матушки... Мне казалось, оно больше.

– Просто ты была слишком мала.

– Как давно матушка покинула нас!..

– Да, – соглашается Екатерина, думая о том, как долго мать прожила вдовой.

– А жемчуг-то розовый, я и забыла... Ой, звено ослабло! – Анна наклоняется поближе. – Дай-ка я попробую починить.

Высунув язык от усердия, она пытается закрепить звено ожерелья. Екатерине приятна близость сестры, исходящий

от нее уютный аромат свежих яблок. Она отворачивает лицо к стене, чтобы Анне было удобнее, и замечает нацарапанные на панели инициалы «ЕГ». Бедняжка Екатерина Говард¹³, последняя королева... Должно быть, это ее покои – лучшие комнаты во всем дворце, не считая покоев самого короля.

– Вот так, – закончив, говорит сестра. – Жаль было бы потерять одну из матушкиных жемчужин!

– Анна, а как было при последней королеве? – шепотом спрашивает Екатерина, рассеянно поглаживая нацарапанные на дереве буквы. – Ты никогда об этом не рассказывала.

– При Екатерине Говард? – едва слышно переспрашивает Анна. – Кит, она была такая молоденькая! Даже младше Маргариты.

Сестры бросают взгляд на Маргариту. Та и сама еще кажется ребенком.

– Она не была готова к такому возвышению. Норфолк нашел ее где-то в отдаленных владениях Говардов и в собственных целях устроил ко двору. Ты не представляешь, до чего плохо она была воспитана! И такая легкомысленная! Зато прехорошенькая – король совершенно потерял голову от ее... – Анна подбирает подходящее слово, – прелестей. А погубила ее ненасытность.

---

¹³ Екатерина Говард (1525–1542 гг.) – пятая жена Генриха VIII. После неполных двух лет брака была казнена за супружескую измену.

– В отношении мужчин? – едва слышным шепотом уточняет Екатерина.

Анна кивает.

– В этом было что-то нездоровое.

Чтобы никто не подслушал, сестры отворачиваются к окну и почти соприкасаются лбами.

– Тебе она нравилась?

– Нет, пожалуй... Она была невыносимо тщеславна. И все же подобной судьбы я бы никому не пожелала. Сложить голову на плахе в такие юные годы!.. Это было ужасно, Кит. Всех ее фрейлин допрашивали. Я совершенно не представляла, что происходит, но кто-то наверняка знал, что она вытворяет с Калпепером¹⁴ прямо у короля под носом.

– Нельзя было класть ребенка в постель такого старика, будь он сам король.

Некоторое время сестры молча смотрят в окно. Сквозь ромбовидный переплет Екатерина провожает взглядом стаю гусей, летящую к озеру.

– Кто тебя допрашивал? – наконец спрашивает она.

– Епископ Гардинер.

– Страшно было?

– До дрожи в коленях, Кит. Он отвратительный тип – не приведи Господь перейти такому дорогу! Однажды я виде-

---

¹⁴ Томас Калпепер (1514–1541 гг.) – паж Генриха VIII, состоявший в любовной связи с его пятой женой, Екатериной Говард. Был казнен за измену, как и сама королева.

ла, как он вывихнул палец мальчику-певчему за фальшивую ноту. Я ничего не знала, поэтому мне он навредить не смог, однако все мы помнили о судьбе Анны Болейн¹⁵.

– Еще бы. И закончилось все точно так же.

– Именно. Король отказался говорить с Екатериной, как в свое время с Анной. Бедняжка обезумела от страха – с воплями бежала по длинной галерее в одном нижнем платье. До сих пор помню ее крики. В галерее было полно людей, но никто не взглянул на нее, даже Норфолк – ее родной дядя, представляешь? – Анна тербит распутившийся шов на юбке. – Слава богу, меня не заставили прислуживать ей в Тауэре. Я бы не вынесла, Кит, – смотреть, как она поднимается на эшафот, снимать с нее чепец, обнажать шею... – Анну пробирает дрожь.

– Бедное дитя, – шепчет Екатерина.

– А теперь ходят слухи, что король ищет себе шестую жену.

– Кого называют?

– Кого только не называют! Каждую незамужнюю даму, даже тебя.

– Какая нелепость... – бормочет Екатерина.

– Все ставят на Анну Бассет, но она совсем девочка, даже младше предыдущей. Не верю, что он может вновь согласиться на такую юную девицу. История с Екатериной Говард

---

¹⁵ Анна Болейн (ок. 1504–1536 гг.) – вторая жена Генриха VIII. После трех лет брака была казнена по обвинению в супружеской измене.

его потрясла. Однако семья Анны упорно проталкивает ее вперед – сшили ей новый гардероб...

– Ох уж эти придворные нравы! – вздыхает Екатерина. – А ты знаешь, что Уилл прочил Маргариту в невесты Сеймуру?

– Ничуть не удивлена! – машет рукой Анна. – Уилл с Сеймуром – не разлей вода.

– Так или иначе, этому не бывать! – резко заявляет Екатерина.

– Значит, главный придворный сердцеед тебя не очаровал?

– Ни в малейшей степени. На мой взгляд, он... – Екатерина пытается подобрать слово, раздосадованная тем, что весь последний час Сеймур не идет у нее из головы. – Короче говоря, ничего особенного.

– О, с тобой многие не согласятся! – замечает Анна, кивая на группу молоденьких фрейлин, болтающих за шитьем у камина. – Когда он проходит мимо, они трепещут, как бабочки, пойманные в сети.

Екатерина пожимает плечами. Она не из бабочек.

– Неужели он до сих пор не женат? Ему ведь, должно быть, лет двадцать девять?

– Тридцать четыре!

– А по нему не скажешь! – удивляется Екатерина. Значит, Томас Сеймур старше нее самой!

– Согласна. – Немного помолчав, Анна добавляет: – Одно время ходили слухи, что он питает интерес к герцогине Рич-

МОНД.

– К Марии Говард? Разве Говарды и Сеймуры не...

– Да, они не питают друг к другу симпатии – вероятно, поэтому слухи и обернулись ничем. Я думаю, он намерен сделать более блестящую партию.

– Что ж, в таком случае Маргарита ему не подойдет.

– В ее венах все же течет кровь Плантагенетов! – возражает Анна.

– Пускай так, однако я бы назвала это хорошей партией, а не блестящей.

– Пожалуй.

Маргарита возвращается, насмотревшись на гобелены. По пути дамы провожают ее взглядом и перешептываются.

– Ну как, нашла отца, Маргарита? – спрашивает Анна.

– Да, на поле брани подле короля.

Из спальни леди Марии выходит Сюзанна Кларенсье, и в покоях начинается волнение. Властным тоном Сюзанна объявляет:

– Она изволит одеваться. – И добавляет, повернувшись к Екатерине: – Попросила, чтобы именно вы выбрали для нее наряд.

Заметив неудовольствие Сюзанны, Екатерина спрашивает:

– Что вы посоветуете? Темные тона?

– Ни в коем случае! Лучше что-нибудь бодрящее.

– Конечно же, вы правы. Подберу что-нибудь яркое.

Сюзанна смягчается и растягивает губы в улыбке. Екатерина хорошо умеет обращаться с чувствительными придворными – школа матери не прошла даром.

Глядя, как Екатерина поправляет чепец и разглаживает складки на юбке, Сюзанна добавляет:

– Она хочет, чтобы ей представили юную особу.

Екатерина кивает.

– Пойдем, Мег. Нельзя заставлять ее ждать.

– Это обязательно? – лепечет Маргарита.

– Да. – Екатерина решительно берет падчерицу за руку, досадуя на ее застенчивость, тут же корит себя за резкость и мягко добавляет: – Дочь короля не стоит бояться. Вот увидишь.

Поглаживая Маргариту по спине, она замечает, как сильно та похудела. Лопатки выпирают, словно зачатки крыльев.

* * *

В одной шелковой сорочке леди Мария кажется особенно хрупкой. В глазах горит лихорадочный блеск, отекавшее лицо совсем увяло, хотя на самом деле она младше Екатерины на четыре года. Все это результат долгих лет, проведенных в изгнании по воле отца. Теперь она наконец обрела заслуженное положение при дворе, хотя и шаткое: ведь король не пожалел расколоть страну надвое, чтобы аннулировать брак с матерью Марии, и бедняжка до сих пор носит клеймо неза-

коннорожденной. Неудивительно, что она так цепляется за старую веру – это ее единственная надежда на легитимность и хороший брак.

– Екатерина Парр! Как я рада вашему возвращению! – улыбается Мария.

– Быть рядом с вами – большая честь для меня, миледи, – отвечает Екатерина. – Однако я приехала только на сегодняшние крестины. Говорят, вы станете крестной матерью младенца Ризли?

– Только на сегодня? Какая жалость!

– Я должна блюсти траур по покойному мужу.

– Да, – негромко соглашается Мария, сжимая пальцами переносицу.

– У вас болит голова? Я могу приготовить лекарство, – предлагает Екатерина, нежно касаясь ее лба.

Мария со вздохом выпрямляется.

– Нет-нет, микстур у меня более чем достаточно.

– Позвольте помассировать вам виски, это облегчит боль.

Мария кивает, и Екатерина принимается осторожно массировать ей виски круговыми движениями. Под тонкой, как пергамент, кожей разбегаются дорожки голубых вен. Мария закрывает глаза и утыкается лбом Екатерине в живот.

– Известие о кончине лорда Латимера опечалило меня. Я искренне сожалею.

– Вы очень добры, миледи.

– Тем не менее, Екатерина, вскоре вы должны вернуться

ко двору! Мне нужны друзья. Сейчас я могу полностью доверять только вашей сестре и Сюзанне. Я хочу, чтобы меня окружали дамы, которых я знаю, а большинство из тех, кто толпится в моих покоях, мне незнакомы. С вами же у нас был общий наставник, а ваша матушка служила моей. Вы мне почти как сестра!

Как, должно быть, Марии одиноко! Ей давно пора сочетаться браком с каким-нибудь прекрасным заморским принцем, нарожать ему наследников и дать Англии надежного союзника. Вместо этого ее гоняют из одного отдаленного владения в другое, то приближают, то отдаляют, то признают, то объявляют незаконнорожденной... Никто не представляет, что с ней делать, и меньше всего ее отец.

– Вы еще придерживаетесь истинной веры? – спрашивает Мария едва слышным шепотом, хотя в спальне нет никого, кроме Маргариты, которая смущенно прячется у Екатерины за спиной. – Я знаю, что ваш брат, сестра и ее супруг – сторонники реформы, однако вы долго были замужем за северным лордом, а на севере крепко держатся за старую веру.

– Я верую так же, как король, – осторожно отвечает Екатерина. Как обстоят дела с верой на севере, она знает слишком хорошо и до сих пор не может забыть грубых рук Мергатройда и запаха его немывтого тела.

– Так же, как мой отец... – повторяет Мария. – В душе он все еще католик, хоть и порвал с Римом. Ведь правда, Екатерина?

Та едва слышит – перед глазами у нее стоит страшный мертвый взгляд несчастного младенца, напоминающий о его бесчестном происхождении. Взяв себя в руки, Екатерина отвечает:

– Да, миледи, вопросы веры утратили былую ясность.

Ей ненавистна собственная уклончивость; она понимает, что ничем не лучше остальных вероломных придворных, однако сказать прямо, насколько близка ей новая вера, – значит разочаровать Марию, а у той вся жизнь – череда разочарований, и Екатерина не хочет прибавлять к ним еще одно, даже если ради этого приходится скрывать правду.

– А жаль, а жаль... – бормочет Мария, рассеянно пощелкивая четками. – Что ж... Это, стало быть, ваша падчерица?

– Да, миледи. Позвольте представить вам Маргариту Невилл.

Маргарита делает неуверенный шаг вперед и приседает в глубоком реверансе.

– Подходите ближе, Маргарита, садитесь. – Мария указывает на скамеечку рядом с собой. – Сколько вам лет?

– Семнадцать, миледи.

– Семнадцать! У вас уже наверняка есть жених?

– Был, миледи, однако скончался.

Ответить так ей велела Екатерина. Не стоит упоминать, что жених Маргариты был повешен в числе прочих участников Благодатного паломничества.

– Значит, мы подыщем замену! – И не замечая, как по-

бледнела Маргарита, Мария продолжает: – Помогите вашей мачехе меня одеть.

* * *

Месса длится целую вечность. Маргарита нетерпеливо ерзает, а Екатерина погружается в воспоминания о дерзком взгляде Сеймура, о его необычных глазах цвета барвинка. Эти мысли беспокоят ее, заставляют напрягаться всем телом, и она силой принуждает себя думать о нелепом страусином пере, о хвастливости и несдержанности Сеймура – только так удается вновь сосредоточиться на мессе.

Хрупкая леди Мария едва удерживает на руках малыша, которая, в отличие от нее, пышет здоровьем и оглашает своды громкими рыданиями, способными отпугнуть самого дьявола. Мессу проводит епископ Гардинер. Его круглое оплывшее лицо словно вылеплено из воска. Епископ говорит подчеркнуто медленно, коверкая латинские слова, а Екатерина представляет, как он запугивал ее сестру на допросе, и думает о вывихнутом пальце мальчика-певчего. В последние годы Гардинер подбирался к королю все ближе, и теперь тот прислушивается к нему не меньше, чем к архиепископу.

Новорожденная девочка, покрасневшая от криков, умолкает только после окропления святой водой, словно из нее изгнали дьявола, и Гардинер самодовольно улыбается, будто сделал это лично, а не с божьей помощью.

Король на крестинах не присутствует, и лицо Ризли, похожее на мордочку хорька, выражает явное беспокойство. Он без конца шмыгает носом, бросает тревожные взгляды на дверь и рассеянно похрустывает суставами пальцев в такт монотонному голосу епископа. Глядя на Ризли, трудно поверить, что это действительно лорд-хранитель Малой печати, который, по слухам, на пару с Гардинером держит в подчинении всю страну.

Отсутствие короля может значить многое. Его непостоянство известно, и даже если лорд-хранитель Малой печати повелевает Англией, он не властен над симпатиями короля. Кому, как не Ризли, это понимать – ведь он был одним из приближенных Кромвеля¹⁶, однако сумел вовремя откреститься от этой связи, когда повеяло новым ветром. Верность не относится к числу его достоинств.

По завершении церемонии все следуют за леди Марией, которая, едва держась на ногах, цепляется за руку Сюзанны Кларенсье. Придворные в длинной галерее расступаются, пропуская дам. Заметив в толпе Сеймура, две юные фрейлины глупо хихикают, а он улыбается и с картинным почтением машет перед ними своим нелепым страусиным пером. Екатерина отводит глаза и делает вид, что ее захватила речь пожилой леди Баттс о невоспитанности нынешней молоде-

---

¹⁶ Томас Кромвель (ок. 1485–1540 гг.) – идеолог Реформации, бывший лорд-хранитель Малой печати (1536–1540 гг.), государственный секретарь и главный министр (1534–1540 гг.). Попал в немилость Генриха VIII и был казнен.

жи, безвкусицы современной моды и пренебрежении сумптуарными законами – не то что в былые времена, когда люди умели проявить уважение к старшим. Сквозь гомон доносится голос Сеймура – он окликает Екатерину по имени и говорит какие-то комплименты ее украшениям, наверняка неискренние. Она бросает в его сторону мимолетный взгляд, слегка наклоняет голову и вновь отворачивается к ворчащей леди Баттс.

Сюзанна провожает обессиленную Марию в спальню. Фрейлины помоложе снимают изукрашенные арселе и ослабляют шнуровку на платьях, не переставая болтать и хихикать. Постепенно дамы сбиваются в группки – одни читают, другие занимаются рукоделием. Приносят вино со специями. Екатерина уже хочет уходить, как вдруг из галереи доносятся топот ног, бой барабанов, звуки лютни и пение. Фрейлины поспешно надевают сброшенные арселе, убирают выбившиеся прядки, пощипывают щеки и покусывают губы, чтобы придать им яркости.

Двери открываются, и в покои под ободрительные крики и аплодисменты вступает группа менестрелей в масках. Они пляшут изощренный рил в фигурах по восемь, и дамы расступаются, чтобы дать им место. Екатерина встает на скамеечку и подтягивает за собой Маргариту, чтобы лучше рассмотреть происходящее. Воздух заряжен легким безумием, словно перед грозой. Анна хватает за руку одну из фрейлин.

– Приведите Сюзанну. Скажите, что леди Мария должна

выйти к посетителям.

И тут Екатерина с изумлением понимает, что в кругу менестрелей тяжело пританцовывает сам король – огромная хромоногая фигура в нелепом одеянии: один чулок черный, другой белый. Вспоминается, что много лет назад он уже так делал: нарядился в маскарадный костюм и мнил себя неузнаваемым, а весь двор натужно изображал восхищение незнакомцем. Тогда он точно так же ворвался в покои в окружении самых красивых придворных, среди которых выделялся ростом, статью, живостью, и произвел на совсем юную Екатерину поистине неизгладимое впечатление.

Однако теперь король едва стоит на ногах без поддержки, дублет менестреля на нем трещит по швам, и в окружении статных пажей это нелепое представление выглядит отчаянной попыткой забыть о возрасте.

Маргарита смотрит на странное зрелище во все глаза.

– Это король, – шепчет Екатерина. – Когда он снимет маску, притворись, что удивлена.

– Но почему? – недоуменно спрашивает падчерица.

Екатерина пожимает плечами. Что тут скажешь? Весь двор должен поддерживать иллюзию молодости и популярности короля, который на самом деле внушает только ужас.

– Таков двор, Мег. Происходящее здесь порой не поддается объяснению.

Кавалеры тем временем образуют круг, в центре которого, жеманясь, пританцовывает юная Анна Бассет. Ее мать,

леди Лайл, жадно смотрит, как шестнадцатилетнюю девочку кружат в танце под похотливым взором короля.

– Боюсь, история повторяется, – шепчет сестра на ухо Екатерине. Фраза не нуждается в пояснениях: о Екатерине Говард сейчас думают все присутствующие, кроме, пожалуй, леди Лайл, в которой честолюбие заглушает голос разума.

Вскоре круг распадается, и Анну Бассет уносит в толпу. Музыка умолкает, король срывает маску, и по комнате прокатывается фальшивый вздох изумления. Все падают на колени, юбки дам стелются по полу волнами шелка.

– Невероятно, сам король! – восклицает кто-то.

Екатерина не отрывает взгляда от дубовых досок пола, не решаясь подтолкнуть сестру локтем из опасения вызвать приступ хохота. Своей нелепостью представление превосходит любую итальянскую комедию.

– Полно, полно! – басит король. – Поднимайтесь! Мы желаем видеть, кто здесь. Где же наша дочь?

Придворные расступаются, и леди Мария выходит вперед. На ее вмиг помолодевшем лице играет робкая улыбка, словно мимолетное внимание отца повернуло время вспять.

Вместе с менестрелями явились несколько кавалеров, которые теперь перемещаются от одной группки дам к другой.

– Смотри, там Уилл и его друзья! – указывает Анна.

Заметив в толпе нелепое страусиное перо, Екатерина вздрагивает, оттаскивает Маргариту подальше – и оказывается прямо перед королем.

– Кто это крадется – неужто миледи Латимер? От кого вы таитесь, миледи?

Ее обдает волна смрадного дыхания. Рука сама тянется к помандеру¹⁷ на поясе, однако Екатерина сдерживает себя.

– Не таюсь, ваше величество, всего лишь ошеломлена.

Она не отрывает взгляда от его груди, обтянутой туго зашнурованным черно-белым дублетом с жемчужной вышивкой. Плоть короля выпирает между шнуров, и кажется, что, если снять с него дублет, тело совершенно утратит форму.

– Примите наши соболезнования в связи с кончиной вашего супруга, – говорит король, протягивая ей руку для поцелуя.

Екатерина прикасается губами к кольцу, утопающему в толстой плоти.

– Ваше величество так добры!

Бросив взгляд на оплывшее круглое лицо короля с маленькими темными глазками, она гадает, куда же делся тот красивый мужчина, которого она видела в юности.

– Говорят, вы хорошо за ним ухаживали. Вы славитесь своим даром сиделки, а пожилой мужчина всегда нуждается в уходе. – И прежде чем Екатерина успевает ответить, король наклоняется к ее уху, обдавая ароматом серой амбры. – Хорошо, что вы вернулись ко двору. Вы привлекательны даже во вдовьем наряде!

---

¹⁷ Помандер – ювелирный аксессуар шарообразной формы, наполненный ароматическими веществами. Крепился на цепочке или четках к поясу.

Екатерина отчаянно краснеет и бормочет неловкие благодарности, тщетно пытаясь подобрать достойный ответ.

– А кто же это? – интересуется король, махнув рукой в сторону Маргариты, которая приседает в глубоком реверансе.

Екатерина с облегчением выдыхает.

– Это моя падчерица, Маргарита Невилл.

– Встаньте, девица, мы хотим вас как следует рассмотреть.

Маргарита поднимается. Руки у нее дрожат.

– Повернитесь, – требует король, осматривая ее, словно кобылу на аукционе, а потом неожиданно выкрикивает: – Бу!

Маргарита в ужасе отскакивает.

– Трепетное существо! – смеется король.

– Она не привыкла к обществу, ваше величество, – поясняет Екатерина.

– Нужен укротитель, – замечает король и обращается к Маргарите: – Ну как, нравится вам здесь кто-нибудь?

Мимо проходит Сеймур, и Маргарита невольно бросает взгляд в его сторону.

– А! Значит, вы имеете виды на Сеймура! – восклицает король. – Красивый малый, верно?

– Н-нет... – заикается Маргарита.

Екатерина больно пинает ее в лодыжку.

– Думаю, Маргарита имеет в виду, что Сеймуру не сравниться с вашим величеством, – поясняет она сладким голоском, сама поражаясь тому, как может так лгать.

– Однако его называют самым красивым мужчиной при дворе! – возражает король.

– Хм-м... – задумчиво тянет Екатерина, склонив голову набок. – Это вопрос вкуса. Некоторые предпочитают более зрелых кавалеров.

Король громко хохочет, а отсмеявшись, заявляет:

– Пожалуй, мы устроим брак между Маргаритой Невилл и Томасом Сеймуром. Женим моего шурина на вашей падчерице. Отличная пара!

Подхватив дам под руки, король ведет их к карточному столу. Екатерина не может найти подходящего предлога для отказа. Слуга пододвигает к столу два стула, король грузно опускается на один и указывает Екатерине на второй. Откуда ни возьмись на столе появляется шахматная доска, и король приказывает Сеймуру расставить фигуры. Пока тот рядом, Екатерина не решается на него взглянуть, боясь, что будоражащие ее чувства отразятся на лице. Она ощущает взгляд леди Лайл и почти слышит ее мысли о том, как бы лучше пристроить дочь, чтобы поймать самую крупную рыбу в стране. По поводу Екатерины леди Лайл явно не переживает: за тридцать, дважды вдова – где ей соперничать с юной цветущей Анной! Если король хочет сына, он выберет девицу Бассет или ей подобную. А сына он хочет, это всем известно.

Екатерина делает ход.

– Гамбит королевы¹⁸ принят, – говорит король, катая в

---

¹⁸ Шахматный дебют. Один из самых острых и сложных дебютов. Относится

пальцах ее белую пешку. – Планируете разгромить меня в центре доски?

Его маленькие глазки поблескивают, дыхание вырывается из груди со свистом, как будто воздуху не хватает места.

Игра развивается быстро. Соперники молчат. Король хватается с тарелки сладости, заталкивает в рот и вытирает губы рукой, потом с удовлетворенным «ага!» перекрывает Екатерине ход ладьей, наклоняется и говорит:

– Муж нужен не только вашей падчерице, но и вам.

Она задумчиво водит гладким белым конем по нижней губе.

– Когда-нибудь, возможно, я и выйду вновь замуж.

– Я могу сделать вас королевой! – заявляет король, брызжа слюной.

– Вы дразните меня, ваше величество.

– Может быть, да, а может быть, и нет.

Ему нужен сын. Все знают, что ему нужен сын. Анна Бассет может нарожать ему целый полк детей. Или девица Тальбот, Перси, Говард... Впрочем, нет – двух королей из рода Говард он отправил на плаху и третью не возьмет. Ему нужен сын, а Екатерина, даром что дважды была замужем, не родила никого, не считая мертвого младенца, существование которого хранится в тайне. Словно пушечный удар, ее оглушает мысль: вот бы родить ребенка от Сеймура, прекрасного Сеймура, цветущего мужчины! Такому грех не оставить

потомства. Екатерина корит себя за это нелепое желание, однако не может его полностью заглушить. Усилием воли она заставляет себя не смотреть на Сеймура, сосредоточиться на игре и на ублажении короля.

* * *

Екатерина выигрывает. Когда она восклицает: «Шах и мат!» – немногочисленные зрители, наблюдавшие за поединком, отступают в ожидании взрыва королевской ярости.

– Вот почему вы приятны нашему сердцу, Екатерина Парр! – смеется король, и придворные облегченно выдыхают. – Вы не пытаетесь нам угодить, проиграв, в то время как остальные воображают, будто нам доставляет удовольствие вечно выигрывать. А вы искренни.

Он берет Екатерину за руку, притягивает к себе и гладит своими восковыми пальцами по щеке. Придворные внимательно наблюдают, и губы Уильяма расплываются в довольной ухмылке, когда король, прикрыв влажный рот рукой, шепчет Екатерине на ухо:

– Навестите нас позже. Без сопровождения.

Екатерина лихорадочно подбирает слова.

– Ваше величество оказывает мне большую честь своим приглашением, однако мой супруг скончался совсем недавно, и я...

Король прикладывает палец к ее губам.

– Не объясняйтесь! Ваша верность достойна всяческих похвал. Мы восхищены! Вам требуется время, чтобы оплатить супруга, и оно у вас будет.

Подозвав слугу, он тяжело встает со стула и хромает к двери. Сопровождающие устремляются следом. Слуга запинаясь о ногу короля, и тот, стремительно взмахнув рукой, словно жаба языком, дает провинившемуся звонкую пощечину. Все замирают.

– Вон отсюда, идиот! Хочешь, чтобы тебе отрубили ногу? – рычит король.

Перепуганный слуга поспешно отступает, другой занимает его место, и процессия как ни в чем не бывало продолжает путь.

Разыскивая сестру, Екатерина чувствует, как изменилось настроение в комнате. Все смотрят на нее, расступаются, сыплют комплиментами, и только Анна Бассет с матерью бросают косые взгляды. Екатерина устремляется к сестре, как к единственному островку искренности в океане лицемерия.

– Анна, мне необходимо как можно скорее уехать отсюда!

– Леди Мария ушла к себе, никто не будет возражать, если ты уедешь. К тому же тебе сейчас все сойдет с рук. – И Анна игриво подталкивает ее локтем.

– Анна, это не шутки! Такие милости дорого стоят.

– Ты права, – соглашается Анна, сразу же посерьезнев. Обе думают о несчастных королевах.

– Он просто заигрывал со мной. Ведь все-таки король...
Имеет право... Все это несерьезно... – бросает Екатерина
одну за другой обрывки фраз. – Однако мне лучше какое-то
время держаться подальше от двора.

Анна кивает.

– Я провожу тебя.

* * *

На дворе стоят сумерки. Мелкие снежинки поблескивают
в свете факелов. Подморозило, и слуги осторожно ступают
по скользкой брусчатке. Прибывает большая группа всадни-
ков – судя по суе пажей и распорядителей, важные персо-
ны. Екатерина замечает среди них знакомое лицо с тонкими
губами и глазами навывкате. Это Анна Стэнхоуп, язвитель-
ная самодовольная особа, с которой Екатерина когда-то вме-
сте училась при дворе. Стэнхоуп проплывает мимо, толкнув
сестру Екатерины плечом, словно не заметила их обеих.

– Кое-что неизменно! – фыркает Екатерина.

– Она стала совершенно невыносима с тех пор, как вышла
замуж за Эдуарда Сеймура и стала графиней Хартфорд, –
вздыхает Анна. – Ведет себя как королева!

– Она действительно потомок Эдуарда III, – пожимает
плечами Екатерина.

– Как будто об этом можно забыть! – со стоном отклика-
ется Анна. – Нет, она не допустит!

Екатерина и Маргарита укутываются в меховые накидки, поданные пажом, и прощаются с Анной. Екатерина с грустью провожает ее взглядом. Дружеского участия сестры будет недоставать – мрачная тишина Чартерхауса не прельщает, хотя и тянет оказаться вдали от двора.

Присев на скамью в нише, они дожидаются, пока приведут лошадей. Маргарита выглядит смертельно усталой. Екатерина закрывает глаза и откидывает голову на холодную каменную стену, думая о том, как тяжело, должно быть, далась Маргарите долгая агония отца.

– Миледи Латимер!

Она открывает глаза и видит Сеймура. Сердце екает.

– Маргарита, не могли бы вы извиниться за меня перед вашим дядюшкой? – просит Сеймур с уверенной улыбкой человека, который всегда получает желаемое. – Он дожидается меня в Большом зале, а мне нужно кое о чем переговорить с леди Латимер до ее отъезда.

– Переговорить? – спрашивает Екатерина, когда Маргарита скрывается в замке. – Если вы хотите просить руки Маргариты...

– Вовсе нет! – перебивает Сеймур. – Хотя она, конечно, славная девушка, да еще и потомок Плантагенетов... – поспешно добавляет он смутившись.

– Вот как!

Екатерина удивлена его смущением и сама испытывает неловкость. Он стоит слишком близко – ближе, чем допус-

кают правила приличия, – и она чувствует его мужской, мускусный запах. Черты лица Сеймура поразительно гармоничны: резко очерченная челюсть, высокие скулы, открытый лоб. Под взглядом неестественно синих глаз в животе у Екатерины растекается тепло. Она бы с радостью сбежала, однако хорошие манеры и сила его взгляда удерживают ее на месте.

– Нет, дело в другом, – говорит он и протягивает ей раскрытую ладонь. – Ведь это ваше?

На ладони у Сеймура жемчужина.

– Не думаю...

Прикоснувшись к ожерелью, на котором висит распятие матери, Екатерина нащупывает зияющую пустоту на месте одной из жемчужин. Как она оказалась у Сеймура? В этом чудится какой-то фокус, вроде того, что проделал Уильям Соммерс, вытащив монетку у Маргариты из-за уха.

– Как она к вам попала? – спрашивает Екатерина, плохо скрывая досаду, и сердится на то, что так плохо владеет собой. Она смотрит на жемчужину с негодованием, как будто Сеймур специально вырвал ее из ожерелья, и собственное дыхание в тишине кажется Екатерине неестественно громким.

– Я заметил, как она выпала и пытался привлечь ваше внимание в галерее, а потом в покоях леди Марии, но король...

Он умолкает.

– Король, – повторяет Екатерина. Она уже почти забыла

об авансах короля.

– Я так рад, что успел вас застать! – говорит Сеймур с широкой открытой улыбкой. В уголках его глаз собираются морщинки, и взгляд уже не пугает – наоборот, располагает к себе и чарует.

Екатерина не отвечает на улыбку и не берет жемчужину с его ладони. Ей все еще видится в этом какой-то подвох.

Сев на каменную скамью рядом с ней, Сеймур просит:

– Возьмите.

Екатерина не двигается.

– А еще лучше отдайте мне ожерелье, и мой ювелир его починит.

Она внимательно смотрит на Сеймура, силясь отыскать в нем недостатки. Однако все безупречно – кружева сорочки, аккуратно подстриженная борода, надетый наискось берет с вычурным пером. Алый атлас, проглядывающий в разрезах дублета, напоминает окровавленные губы.

Хочется протянуть руку, взъерошить Сеймура, чтобы он утратил свою идеальность. Но вот на его покрытых бархатом плечах оседают снежинки, кончик носа краснеет, и Екатерина, улыбнувшись, неожиданно для себя поворачивается спиной и откидывает капюшон, чтобы обнажить шею. Она не собиралась этого делать, но открытая улыбка и покрасневший нос Сеймура почему-то заставляют думать, что она ошиблась в суждении и он не так уж плох.

Сеймур вкладывает жемчужину ей в ладонь и расстегива-

ет ожерелье, дотрагиваясь до кожи теплыми пальцами, а потом прикасается губами к ожерелью и убирает его за пазуху. По телу Екатерины прокатывается волна тепла, будто бы он поцеловал ее в шею.

– Поручаю ожерелье вашим заботам. Оно принадлежало моей матушке и потому очень мне дорого, – говорит она ровным голосом, с трудом взяв себя в руки.

– Доверьтесь мне, миледи! – отвечает Сеймур и, немного помолчав, добавляет: – Я искренне сочувствую вам в связи с кончиной супруга. Уильям говорит, он очень страдал.

Екатерине не нравится, что брат обсуждает с ним ее и покойного мужа. Чего, хотелось бы знать, он еще наговорил?

– Мой супруг действительно страдал, – сдержанно отвечает она.

– Должно быть, вы страдали вместе с ним.

– Верно. Это было невыносимо.

На лице Сеймура написано искреннее сочувствие. Из-под берета выбился завиток волос, и Екатерина с трудом преодолевает желание его поправить.

– Ему повезло, что за ним ухаживала такая сиделка, как вы.

– Повезло?! В чем же его везение – в мучительных страданиях? – восклицает Екатерина, не в силах сдержаться.

Сеймур выглядит искренне смущенным.

– Я не хотел...

– Я понимаю, что вы сказали это не нарочно, – перебивает

Екатерина, заметив на крыльце Маргариту. – Нам пора.

Она встает со скамьи. Рейф уже ждет с лошадьми, и Маргарита идет прямо к нему – должно быть, избегает Сеймура после разговоров о замужестве.

– А жемчужина? – напоминает Сеймур.

В растерянности Екатерина раскрывает ладонь, совершенно не помня, как приняла от него жемчужину. Опять какой-то фокус!

– Ах да...

– Вы знаете, как делается жемчуг? – спрашивает Сеймур.

– Конечно, знаю! – резко отвечает Екатерина, досадуя на то, что поддалась банальному очарованию этого мужчины. Представляется, как фрейлины, хихикая, слушают его рассказ о рождении жемчужины, в котором каждое слово – завуалированный намек на то, что нет большего счастья для женщины, чем раскрыть свою собственную раковину перед мужчиной.

– Вы – всего лишь песчинка в моей устрице, – с пренебрежением добавляет Екатерина и отворачивается.

Но Сеймура таким не смутишь. Он прикасается к ее руке влажными губами и говорит:

– Возможно, со временем я стану жемчужиной.

А потом разворачивается и взбегает на крыльцо, перепрыгивая через ступеньки.

Екатерина вытирает руку о платье и фыркает, выпуская облачко пара (а хотелось бы дыма). Надо было ясно дать ему

понять, что даже за тысячу золотых она не согласится быть веселой вдовушкой для утех!

Внезапно ее охватывает чувство одиночества. Она отчаянно скучает по мужу и чувствует себя совсем беззащитной.

Раздаются звон посуды и громкий смех. Один из молодых пажей уронил полное блюдо пирожных; люди, проходя, втоптывают их в пол и дразнят парнишку, покрасневшего до корней волос. Екатерина уже делает шаг к крыльцу, чтобы выручить пажа, как вдруг Сеймур в своих дорогих шелках опускается на колени и принимается подбирать пирожные. Насмешки тут же стихают – ведь он шурин короля, и с ним шутки плохи. То, что Сеймур пачкает свои белые чулки, чтобы помочь неизвестному пажу, для придворных сродни светопреставлению. А он хлопает парнишку по спине, и тот улыбается. Некоторое время они весело болтают, потом Сеймур помогает пажу подняться и говорит:

– Не переживай, я поговорю с поваром.

* * *

Отъезжая от замка, Екатерина рассеянно прикладывает руку к груди, где обычно висит матушкино распятие, и дивится сама себе. Разве можно вот так запросто отдать дорогой сердцу предмет едва знакомому человеку? Конечно, он друг Уильяма, это достаточное свидетельство его честности, да и с пажом он повел себя очень благородно... Наверное,

после истории с Мергатройдом Екатерина просто разуверилась в мужском роде.

– Матушка, посмотрите, что дал мне дядя Уильям.

Маргарита вытаскивает из-под плаща книгу и протягивает Екатерине. Подступает раздражение: наверняка Уильям подсунул племяннице что-нибудь из запрещенных книг – Цвингли или Кальвина – и пытается втянуть ее в игру, опасность которой та еще не в силах понять. Вопросы веры дают пищу для жестоких интриг при дворе.

Однако это всего лишь «Смерть Артура»¹⁹.

– Очень мило.

Подосадовав на собственную подозрительность, Екатерина возвращает Маргарите книгу и пускает Пьютера рысью, с удовольствием чувствуя, как напрягается его сильное тело. Скорее бы попасть домой, в Чартерхаус! Пусть там невесело, зато безопасно.

– Представляю, как обрадуется Дот! – говорит Маргарита. После событий в Снейпе они с Дот стали близки, как сестры, и Екатерина этому рада. – Она любит, когда я читаю ей вслух романы.

---

¹⁹ «Смерть Артура» – сборник романов о короле Артуре и рыцарях круглого стола, составленный Томасом Мэллори.

Чартерхаус, Лондон, март 1543 года

– Ну, рассказывайте, как там, при дворе? – спрашивает Дот, расчесывая влажные волосы Маргариты у камина в спальне. – Видали короля?

– Видела и в жизни не была напугана сильнее!

– Он и правда такой большой, как говорят?

– Больше, Дот. – Маргарита раскидывает руки, чтобы показать обхват его талии, и обе хихикают. – Он был переодет менестрелем, и, хотя все знали, что это король, никто не подал виду.

– Чудно. Мне бы и в голову не пришло, что король так забавляется. Я думала, он более... – Дот подбирает подходящее слово, хотя на самом деле не так уж много думала о том, каков король; для нее он – персонаж старинной сказки, отрубавший головы женам. – Более серьезный.

Гребень цепляется за спутанный узелок волос, и Маргарита вскрикивает.

– Не дергайтесь, а то будет хуже... – Дот отрывает узелок и бросает в огонь. – Вот и все.

– При дворе очень странно, – продолжает Маргарита. – Все говорят не то, что думают, – даже матушка изъяснялась

загадками. И все расспрашивали меня, когда я выйду замуж да за кого, – добавляет она с недовольной гримасой.

Риг, щенок спаниеля, запрыгивает к Маргарите на колени.

– Будь моя воля, я бы вообще никогда не вышла замуж!

– Хотите не хотите, а придется, сами знаете.

– Вот бы мне поменяться с тобой местами, Дот!

– Да вы бы и часа не вынесли с моей работой – вон у вас какие ручки-то белые! – дразнит Дот, сравнивая свои натруженные ладони с нежными ладонями Маргариты. – Не дело вам полы скрести.

Поцеловав Маргариту в макушку, Дот ловко заплетает ее волосы в косу, закалывает и накрывает чепцом.

– Зато ты можешь выйти замуж за кого хочешь! – возражает Маргарита.

– Хорошенький у меня выбор! Видали бы вы парней на нашей кухне...

– А как же новый судомойщик?

– Кто, Джетро? Одни беды от него!

О том, как они с Джетро тискали друг друга на конюшне, Дот умалчивает. Она никогда не обсуждает такие вещи с Маргаритой.

– Дядя Уильям хочет выдать меня замуж за своего друга, Томаса Сеймура, – сообщает Маргарита.

– И каков он из себя, этот Сеймур?

Маргарита сжимает руку Дот так, что белеют костяшки.

– Он похож на...

Не в силах выговорить имя, она часто дышит и смотрит в никуда широко раскрытыми глазами. Дот вздергивает Маргариту на ноги, согнав Рига, и крепко обнимает. Та утыкается лбом ей в плечо.

– На Мергатройда, – заканчивает Дот. – Не бойтесь говорить его имя вслух. Лучше пусть выйдет наружу, чем будет гнить внутри.

Маргарита такая худая, что кажется почти прозрачной. Дот видит, как мало она ест – словно хочет уменьшиться, чтобы вновь стать ребенком. Может, так оно и есть. Дот старше всего на год, а чувствует себя намного взрослее, пусть и не умеет читать, не знает латыни и французского, которые Маргарита изучает под руководством бледного наставника в черной одежде.

Дот вспоминает, как сидела на каменном полу в одной из башен Снейпа и затыкала уши руками, чтобы не слышать довольных стонов Мергатройда и приглушенных криков Маргариты. Он запер дверь, и Дот ничего не могла поделать. Негодяй истерзал бедную девочку – а ведь Маргарита была еще девочкой! – до крови. Неудивительно, что она теперь не хочет выходить замуж. О том, что произошло на самом деле, знают только Дот и Маргарита – даже леди Латимер ни о чем не догадывается. Маргарита взяла с Дот клятву, и та свято ее блюдет. Уж что-то, а секреты она хранить умеет, даже страшные.

– Матушка наверняка договаривается о моем браке, – го-

ворит Маргарита, покусывая ноготь на большом пальце. – Я в этом уверена! Она говорила о чем-то с Сеймуром наедине.

– Вы можете попросить ее об отсрочке – сказать, что еще не готовы.

– Мне семнадцать! Все благородные девицы моего возраста уже года два замужем и носят второго ребенка.

Маргарита высвобождается из объятий и садится на кровать.

– Вы только похоронили отца! – напоминает Дот. – Не будет леди Латимер выдавать вас замуж в трауре!

– Нет, но потом...

Вздохнув, Маргарита ложится. Дот хотела бы пообещать, что все образуется, что Маргарите никогда не придется выходить замуж и они всегда будут вместе, однако лгать нехорошо. Ведь Дот понятия не имеет, куда ее могут услать, – все слуги гадают, что с ними станется теперь, когда нет лорда Латимера.

– А это что? – спрашивает она, чтобы сменить тему, указывая на книгу, которую привезла Маргарита.

По бежевой обложке вьется тисненый плющ. Дот подносит книгу к носу и вдыхает запах кожи. Так пахло дома – в деревеньке Станстед-Эбботс, где Дот выросла. По соседству жил кожевник, и даже стены дома пропитались этим ароматом. Особенно сильно пахло летом, когда шкуры растягивали на солнце и красили в яркие цвета. Приятный запах.

Дот гадает, что сейчас делает мать. Представляется, как

та выметает снег с крыльца – рукава закатаны, натруженные руки крепко сжимают метлу; сестра, Малютка Мин, посыпает дорожку песком, а брат, Робби, разбивает лед в бочке с водой, и в волосах у него торчит солома, как у отца... На самом деле все, конечно, не так. Малютка Мин давно выросла, а лицо матери испещрено морщинами. Дот скучает по родным, да только слишком много прошло времени и чересчур она изменилась, чтобы вернуться.

* * *

Ей было двенадцать, когда она уехала в Йоркшир, чтобы служить в замке Снейп при леди Латимер, которую бабка Дот выкормила собственным молоком. Говорят, когда бабка была еще жива, почти вся деревня работала на семейство Парр, обитавшее в Рай-Хаусе. Дот покинула родной дом вскоре после того как отец – кровельщик – упал с крыши и сломал шею. Его работу взял на себя Робби, а мать стала стирать чужое белье за деньги. Голод сделался их постоянным спутником: девочки получали по полчерпака каши на нос, а Робби доставался целый – ведь ему надо было лазать по крышам и ворочать огромные вязанки соломы. То, что Дот нашлось место в Снейпе, стало большой удачей для семьи – одним ртом меньше.

На память мать подарила ей серебряный пенни – он и сейчас зашит в подол ее платья на удачу. Лучшие подруги Дот –

Летти и Бинни – видно, совсем не понимали, что Йоркшир – это практически край света, и все болтали о том, как она будет их навещать. Со слезами на глазах Дот простилась с Гарри Дентом – красивым парнем, в которого была влюблена. Все в деревне считали, что когда-нибудь они поженятся, и Гарри пообещал ждать ее вечно. Теперь Дот с трудом помнит его лицо, а ведь когда-то так любила!.. Ну и дела.

Дот понимала, что вряд ли когда-нибудь вернется в родные края, но всем так грустно было с ней прощаться, что говорить об этом она не стала. Впрочем, однажды она все-таки побывала в Станстед-Эбботс – по дороге из Снейпа в Лондон леди Латимер разрешила ей два дня провести с родными. Однако Летти к тому времени умерла от потливой горячки, Бинни вышла замуж за фермера из Уэра, а Гарри Дент, подлец, обрюхатил девчонку и сбежал. Робби пристрастился к выпивке, и все прочили ему отцовскую судьбу, хотя вслух не говорили. Другими словами, все переменялось. А больше всего переменялась сама Дот. В родном доме она чувствовала себя чужой и с непривычки билась головой о потолочные балки – успела привыкнуть к совсем иной обстановке.

– Это подарок дяди Уильяма. «*Le Morte d'Arthur*» – «Смерть Артура», – говорит Маргарита, возвращая Дот в настоящее.

– На каком это языке?

– Название на французском, а текст на английском.

Дот проводит пальцами по тисненой обложке и шепчет:

«Ле морт д'Артур», – с трудом выговаривая незнакомые звуки. Вот бы понять, как черточки и закорючки складываются в буквы! Настоящая алхимия.

– Почитаем? – предлагает Дот, подразумевая, что Маргарита будет читать, а она – слушать.

– Конечно! – оживляется Маргарита, а Дот думает: разве не поразительно, что ей, простолюдинке Дороти Фаунтин, дочери кровельщика из Станстед-Эбботс, читает романы дочь родовитого лорда? Вот до чего она изменилась!

Дот собирает свечи и забрасывает пол у камина подушками и шкурами. Устроившись рядом с Маргаритой, она закрывает глаза и полностью погружается в историю: видит Артура, Ланселота, великана Гавейна и представляет себя прекрасной дамой, забыв о своих больших мозолистых руках и неуклюжих движениях, о смуглой коже и угольно-черных волосах, делающих ее похожей на цыганку, а уж никак не на белокожую леди из Камелота.

Несколько свечей угасают, и Дот встает, чтобы их заменить.

– Чего бы ты хотела больше всего на свете, Дот? – спрашивает Маргарита.

– Сперва вы скажите.

– Я хотела бы Эксакалбур! – с горящими глазами отвечает Маргарита. – С таким мечом можно ничего не бояться! – Она рассекает воздух худой рукой, сжимая воображаемый меч. – Теперь твоя очередь, Дот. Чего бы ты хотела?

Не задумываясь, Дот выпаливает:

– Мужа, который умеет читать! – И смеется, потому что это глупо и еще более невероятно, чем волшебный меч.

Маргарита задумчиво молчит, и Дот жалеет, что произнесла это вслух – очарование истории сразу рассеялось. Она открывает коробку со свечами.

– Пусто... Сходить вниз?

– Уже поздно, давай спать.

Маргарита потягивается, подбирает одну из шкур и идет в постель. Дот выкатывает свою выдвижную кровать, однако Маргарита похлопывает рукой по одеялу и зовет:

– Ложись со мной – так теплее!

Поворошив золу в камине, Дот закрывает его решеткой, а потом проскальзывает под одеяло и плотно задергивает балдахин. Риг тоже забирается на кровать и, забавно повертевшись, сворачивается в клубок. Дот трет ступни одна о другую, чтобы согреться.

– Возишься как Риг! – упрекает ее Маргарита.

– Не у всех есть грелка!

Почувствовав касание почти невесомой руки, Дот прижимается поближе к Маргарите. Та крепко обнимает ее, будто цепляется за соломинку. Ночная сорочка Маргариты пахнет дымом, и Дот вспоминает, как спала когда-то в обнимку с Малюткой Мин, – а теперь словно попала в чужую жизнь.

– Если бы мы могли превращаться в кого угодно, как фея Моргана, – шепчет Маргарита, – ты могла бы превратиться

в меня и выйти замуж за Томаса Сеймура. Он читал бы тебе до скончания веков!

– А вы?

– А я бы стала тобой...

– ...И выносили бы каждое утро ночные горшки! – дразнит Дот. – На что мне такой благородный господин, как этот Сеймур? Я и танцевать-то не умею – обе ноги левые.

Они смеются и теснее прижимаются друг к другу, чтобы согреться.

– Благослови тебя Бог, Дороти Фаунтин, – бормочет Маргарита.

Чартерхаус, Лондон, апрель 1543 года

Со двора доносится цокот копыт – наверняка опять королевский паж. Екатерина надеялась, что за время отсутствия при дворе король о ней забудет, однако каждый день он шлет ей подарки: брошь с двумя крупными бриллиантами и четырьмя рубинами; воротник и рукава из куньего меха; юбку из золотой парчи; пару попугаев-неразлучников; олений бок, большую часть которого Екатерина раздала беднякам, поскольку ее домашним столько не съесть (брат Маргариты и его жена – новые лорд и леди Латимер – отбыли в Йоркшир, забрав с собой львиную долю слуг).

Желание короля ясно, однако становиться его любовницей Екатерина не намерена. К тому же все ее мысли занимает тоска по покойному мужу – и по Томасу Сеймуру. Помимо своей воли она день за днем ждет, что на пороге появится паж в красно-золотой ливрее с письмом, подарком или распятием ее матушки. Но время идет, а на пороге появляются только пажи в бело-зеленых тюдоровских ливреях с непрошеными подношениями. Екатерина отсылала бы подарки прочь, да первый паж дрожащим голосом признался, что король накажет его за недостаточное усердие, и она сдалась. Тем не менее с каждым новым даром она чувствует опустошение, словно превратилась в песочные часы и песок уже на исходе.

Все королевские подарки Екатерина с радостью обменяла бы на какую-нибудь мелочь – одуванчик, глоток слабого эля, стеклянную бусину – от Сеймура. Тщетно она пытается обуздать свои чувства. Как вышло, что она ждет малейшего знака внимания от этого пустого человека, будто впервые влюбленная девица?.. Любовь прочно обосновалась в ее сердце и не внемлет доводам рассудка. Екатерина пытается убедить себя, что с нетерпением ждет возвращения матушкиного распятия, однако сознает, что это обман и на самом деле она хочет Сеймура. Нелепое страусиное перо колыхается в мыслях, и она не в силах его изгнать.

Екатерина открывает окно, чтобы посмотреть, кто приехал. Это Хьюик – доктор, лечивший Латимера, – вернулся из Антверпена. Хьюик – второй после пажа Сеймура человек, которого Екатерина ждет. Она с трудом сдерживается, чтобы не окликнуть гостя – так утомило ее одиночество в трауре. Она истосковалась по человеческому общению, а Хьюик – один из немногих, с кем она может говорить откровенно. Он с самого начала вызвал у Екатерины необъяснимую симпатию, и за месяцы болезни Латимера они сильно сблизились. Хьюик стал для нее надежной опорой. Нечасто в жизни появляется такой друг – возможно, раз в десятилетие.

Взволнованная, как девочка, Екатерина сбегает по ступеням и оказывается в холле одновременно с Хьюиком. Хочется броситься к нему в объятия, но нельзя забывать о приличиях – рядом Казинс, дворецкий.

– Я так рада вас видеть!

Хьюик широко улыбается. Он словно сошел с картины какого-нибудь итальянского мастера: угольно-черные кудри и глаза, темные, как маслины.

– Вдали от вас, миледи, мир поистине уныл!

– Думаю, мы с вами довольно друг друга знаем, чтобы обойтись без любезностей. Зовите меня Кит, а я буду считать вас братом!

– Кит... – произносит Хьюик, будто пробует имя на вкус, как французское вино.

– Только я вас продолжу звать Хьюиком, поскольку знаю слишком многих Робертов.

Он с улыбкой кивает. Екатерина ведет его к окну, и они усаживаются на скамью в лучах апрельского солнца.

– Ну, рассказывайте, как вам Антверпен? Что новенького узнали?

– В Антверпене кипит жизнь – печатники без усталости выпускают новые книги, только и разговоров, что о реформации. Это город великих идей, Кит!

– Реформа – голос разума. Страшно даже думать о тех ужасах, что творились во имя старой церкви...

Екатерина вспоминает, что католики сотворили с ней самой и ее семьей, хотя говорить об этом не решается даже с Хьюиком. Мысль о реформе ей приятна и представляется очень разумной.

– Удалось ли вам познакомиться со знаменитым Лузита-

но?²⁰

– Да. Какие у него передовые идеи о циркуляции крови, Кит! Порой я думаю, что наше поколение стоит на пороге великих перемен. Меняется все – наша наука, наша вера... Не терпится увидеть, к чему это приведет!

Он оживленно жестикулирует затынутыми в перчатки руками, показывая, как Лузитано вскрывал трупы, чтобы продемонстрировать сложную систему сосудов. Екатерина никогда не видела Хьюика без перчаток – он не снимал их, даже когда осматривал Латимера. Она ловит его за руку.

– Почему вы всегда в перчатках?

* * *

Хьюик молча отворачивает краешек перчатки, открывая кожу, усеянную красными рубцами, и выжидательно смотрит на Екатерину, предвидя, что она отпрянет в ужасе. Она берет его руку в свои и осторожно проводит по изуродованной коже кончиком пальца.

– Что это?

– Название этой болезни мне неизвестно. Она не заразна, однако вызывает отвращение у всех, кто ее видит. Меня принимают за прокаженного.

– Бедный, бедный! – восклицает Екатерина и прикасается

---

²⁰ Амато Лузитано (1511–1568 гг.) – португальский врач и исследователь, автор ряда медицинских сочинений.

губами к его руке.

К глазам Хьюика подступают слезы. Не потому что к нему до сих пор никто не прикасался, – нет, удовольствия плотской любви ему знакомы. Однако его возлюбленные зажимаются от отвращения даже в пылу страсти, а в глазах Екатерины нет ничего, кроме искреннего сочувствия.

– Такая кожа у меня по всему телу, кроме лица.

Екатерина вскакивает и тянет его за руку.

– Пойдемте в кладовую, посмотрим, что можно приготовить для вашей кожи! – оживленно говорит она. – Наверняка ее можно исцелить!

– Мне пока не удалось найти лекарства, хотя некоторые мази снимают раздражение.

Темными коридорами они идут в заднюю часть дома.

– Кто бы мог подумать, что несчастье может дать начало такой дружбе! – замечает Екатерина.

– Настоящая дружба – большая редкость, особенно при дворе, – соглашается Хьюик, чувствуя себя предателем, потому что секрет, который он хранит, вероятно, положит конец их близости. Он крепко привязался к Екатерине, считает ее не просто другом – сестрой, которой никогда не имел, и боится ее потерять. Обман тревожит совесть. А при дворе дружбы действительно нет – как могут дружить люди, непрерывно соревнующиеся между собой за высокое положение и королевские милости? Враждуют даже лекари, состоящие при короле, и большинство из них не любит Хьюика за то,

что он на десять лет моложе, а уже лечит лучше.

Екатерина берет его под руку, и он поддается порыву испуга, дать ей оружие против себя.

– В Антверпене... – неуверенно начинает он.

– Да?

– Я встретил... – Слова даются с трудом. – Познакомился... Я влюбился.

Но это лишь часть правды.

– Как же зовут вашу даму, Хьюик? – весело осведомляется Екатерина, пожимая его руку. Признание явно доставило ей удовольствие.

– Это не дама, – наконец выговаривает он, ожидая, что она изумленно отпрянет.

– Вот как? Я подозревала, – спокойно отвечает Екатерина.

– Но почему?..

– Я знала мужчин, которые предпочитают объятия... представителей своего пола, – негромко говорит она.

Хьюик спокоен: теперь он всецело в ее руках. Узнай эту тайну посторонние, ему не избежать виселицы. Баланс в их отношениях восстановлен.

– Таким был мой первый муж, Эдуард Боро, – признается Екатерина. – Нас поженили совсем детьми.

Мимо проходит слуга с охапкой фрезий. В воздухе разносится весенний аромат.

– Это для моей спальни, Джетро?

– Да, миледи.

– Отдай цветы Дот, она расставит.

Поклонившись, слуга уходит.

– Эдуард Боро не испытывал ко мне ни малейшего влечения, – продолжает Екатерина. – Поначалу я думала, что дело в неопытности – ведь ни он, ни я ничего не понимали в таких делах. Однако был у нас учитель, Юстас Айвз, серьезный молодой человек с красивыми губами – помню, уголки его рта все время были приподняты, словно в печальной улыбке... Только заметив, как Эдуард краснеет, разговаривая с Юстасом, я начала догадываться, в чем дело. Ах, как мало я тогда знала о жизни!

– Что случилось с Эдуардом Боро? – спрашивает Хьюик, захваченный историей из ее прошлого.

– Подхватил потливаю горячку. День – и его не стало. Бедный Эдуард! Он был сама доброта... – Екатерина с отсутствующим видом смотрит куда-то вдаль, будто перенеслась в прошлое, а здесь осталась лишь ее тень. – А потом я вышла замуж за Джона Латимера. – Она вздрагивает и возвращается в настоящее. – Теперь вы рассказывайте! Этот человек антверпенец?

– Нет, он англичанин. Писатель, мыслитель – просто необыкновенный! – Хьюик чувствует прилив возбуждения, даже просто рассказывая о Николасе Юдалле²¹. – И такой необузданный! Как дикий зверь.

---

²¹ Николас Юдалл (1504–1556 гг.) – драматург, автор пьесы «Ральф Ройстер Дойстер», которая считается первой английской комедией.

– Необузданный? Звучит опасно!

– В лучшем смысле слова! – смеется Хьюик.

– А что же ваша жена? Она вас понимает?

– Мы с ней почти не общаемся, – неохотно отвечает он, чувствуя прилив вины, и меняет тему. – В последние дни любовь поистине витает в воздухе! Все только и говорят, что о страсти короля кое к кому.

– Надо полагать, ко мне, – помрачнев, откликается Екатерина. В глазах у нее плещется тревога. – Почему я, Хьюик? При дворе столько красавиц, которые с радостью заняли бы это место, а я уже немолода. Разве он не хочет еще одного сына?

– Возможно, его распаляет как раз ваша сдержанность. – Хьюику известно, как возбуждает незаинтересованность. Сколько раз он пленялся красивыми юношами, которых отталкивала его кожа!.. – Король привык получать все, что хочет, а вы не похожи на остальных.

– Непохожа, бог мой! – отмахивается Екатерина. – Что же мне делать? Броситься к нему в объятия, чтобы охладить его пыл?

Она ускоряет шаг.

– Его влечет и ваша доброта, Кит. Короля восхитило то, как нежно вы заботились о муже.

– И откуда же ему об этом известно? – раздосадованно спрашивает она.

Хьюик не решается рассказать, что король буквально кле-

щами вытягивал из него сведения о Екатерине. Как она вела себя с мужем? Была ли она к нему добра? Готовила ли она ему лекарства?

Некоторое время они идут в невеселом молчании, Хьюик – на шаг позади. Наконец Екатерина открывает дверь в кладовую и, вдохнув смолистый аромат трав, тут же успокаивается. Откупоривает один сосуд, другой, нюхает содержимое, насыпает в ступку и принимается толочь пестиком.

– Желтокорень, – поясняет она. Потом снимает с полки еще несколько горшочков, расставляет на столе, открывает один из них и, удовлетворенно вздохнув, подносит к носу Хьюика.

– Мирра! – Острый церковный запах напоминает Хьюику о священнике, в которого он когда-то был влюблен.

Екатерина растирает немного мирры с желтокорнем, зажигает горелку под медным блюдом и кладет на него шарик воска. Добавляет в ступку несколько капель миндального масла, вливает растопленный воск и помешивает. Когда смесь густеет, Екатерина подносит ступку к носу и удовлетворенно объявляет:

– Готово! Подайте мне ваши руки.

Хьюик снимает перчатки, сразу чувствуя себя голым, и она втирает мазь в раздраженную кожу. Нежное прикосновение трогает его до глубины души.

– Именно поэтому люди считают вас доброй, Кит!

– Не добрее многих... Вот увидите, желтокорень творит

чудеса!

– У вас дар к травам. Ваши настойки для лорда Латимера – вот настоящее чудо!

Екатерина смотрит на него с непонятым выражением, в котором читается нечто, похожее на страх.

– Вы не обнаружили ничего странного, когда занимались телом моего покойного мужа?

Вот опять – взгляд загнанного зверя. Что с ней?..

– Только то, что его внутренности пожрала опухоль. Удивительно, что он продержался так долго. Грех говорить, но было бы лучше, если бы он умер раньше.

Страх в глазах Екатерина исчезает, и она тихо откликается:

– Пути Господни неисповедимы...

– Что Маргарита? Как она перенесла смерть отца?

– Тяжело. Я за нее беспокоюсь.

– Вы не пробовали поить ее зверобоем?

– Не догадалась, попробую!

– Король твердо намерен выдать ее замуж за Томаса Сеймура. По-моему, неплохая партия.

– Только не за Сеймура! – резко говорит Екатерина. – За Сеймура Маргарита не выйдет.

– Вы что же, влюблены в Сеймура?! – восклицает Хьюик, пораженный догадкой.

– Я этого не говорила.

– Но это написано у вас на лице.

Выткано в ее чертах, как узор на ковре. Подумать только, влюбиться в Сеймура!.. Король никогда этого не разрешит, нечего и думать.

– Я не хочу его любить! Я в полном замешательстве, Хьюик!

– Вам лучше о нем забыть.

– Знаю... Вы никому не скажете? – шепотом спрашивает она.

– Даю вам слово.

Однако Хьюик видит ее недоверие. Ведь он, в конце концов, лекарь короля – именно король приставил его к Латимеру.

– Почему король поручил вам лечить моего мужа? – спрашивает Екатерина, будто прочитав его мысли.

– Не буду скрывать правду, миле... Кит. – Хьюик прячет лицо – свой стыд – в ладонях. – Король велел рассказывать ему о вас. Он интересуется вами уже давно – с тех самых пор, как год назад вы стали служить леди Марии.

Теперь ей известен его позор.

– Хьюик, вы шпион?! – потрясенно восклицает Екатерина, и он чувствует, как ускользает ее дружба.

– Поначалу да, но теперь я полностью ваш!

Не в силах встретиться с ней глазами, Хьюик смотрит на сосуды и горшки на полках за ее спиной. Екатерина отворачивается, а он читает про себя надписи: норичник, таволга, молочай, истод, девясил, лопух... Молчание накрывает кла-

довую тяжелым, удушающим одеялом.

– Кит, – наконец умоляюще произносит Хьюик, – вы можете мне доверять!

– Не могу.

– Тогда я вас не знал, а теперь – знаю.

– А я вас... – шепчет она, должно быть, вспомнив о тайне, которая теперь в ее руках. При мысли об этом Хьюику становится легче.

Екатерина вручает ему перчатки и спрашивает:

– Вам легче?

– Да, зуд спал.

– Пойдемте, скоро приедет моя сестра. Я провожу вас.

Она его выгоняет!.. Хочется пасть на колени и молить о прощении, однако ее холодная вежливость делает это невозможным.

Они возвращаются в холл.

– Доктор Хьюик уезжает, Казинс, – говорит Екатерина, обращаясь к дворецкому. – Проводите его и позовите конюха.

Она протягивает руку для поцелуя.

– Мы по-прежнему друзья? – спрашивает Хьюик.

– Друзья, – подтверждает Екатерина, слегка улыбнувшись, однако лицо ее непроницаемо.

* * *

Екатерина прогуливается по саду Чартерхауса с сестрой.

Та уже не цветет – кожа утратила сияние и посерела. Анна потеряла ребенка, однако сохраняет спокойствие. «Будут другие», – сказала она, когда Екатерина выразила ей свое сочувствие.

Прошел небольшой дождь, и свежая листва искрится в лучах солнца, которое всюду сияет на чистом кобальтовом небе, возвещая скорый приход лета.

– Целый месяц меня никто не навещал, а сегодня сразу два дорогих моему сердцу посетителя! – удивляется Екатерина.

– Прости, что так долго не приезжала! После выкидыша мне пришлось полмесяца пролежать в постели.

Анна стоит против света, и легкие прядки, выбившиеся из прически, светятся как нимб. В солнечном сиянии весь двор похож на райский сад: поблескивают влажные камни брусчатки, искрятся ромбы окон. Екатерина ведет сестру в свой садик лечебных растений. Дальше раскинулся фруктовый сад, и цветущая груша лучится белизной на фоне синего неба, а тисовые изгороди кажутся сверхъестественно зелеными. В круглом пруду в центре сада резвится, мерцающая чешуей, серебристый карп. Вокруг пруда высажены лечебные травы; из взрыхленной красной земли поднимаются свежие ростки, и рядом с каждым воткнута табличка с названием.

– У тебя тут настоящий Эдем в миниатюре! – восхищается Анна. – И не подумаешь, что до смитфилдского²² хаоса рукой подать!

---

²² Смитфилд – район Лондона, где находился скотный рынок.

– Да, порой я сама забываю, что живу в Лондоне.

Сестры садятся на каменную скамью в тени и вытягивают намокшие ноги поближе к солнцу.

– Ты останешься здесь? – спрашивает Анна.

– Не знаю, как лучше поступить. Я хочу держаться подальше от двора и короля.

– Похоже, он по уши в тебя влюблен.

– Анна, я не понимаю! Он ведь меня почти не знает, и...

– Чтобы жениться, знать необязательно! – перебивает Анна.

– Жениться! Ты же не думаешь, что он действительно намерен на мне жениться?

– Всем известно, что он ищет новую королеву, и после истории с Анной Клевской²³ не за границей.

Трижды звонит колокол церкви Святого Варфоломея, и ему эхом вторят колокола других церквей.

– Почему бы и не ты? – продолжает Анна. – Ты идеальна, не совершила ни одного порочащего честь поступка.

– О да! – фыркает Екатерина, думая о своих мрачных тайнах. – По мнению Хьюика, король желает меня исключительно потому, что я в нем не заинтересована, а он привык получать все, что захочет. Я для него в новинку. – Она невесело

---

²³ Анна Клевская (1515–1557 гг.) – четвертая жена Генриха VIII родом из Германии. До свадьбы король видел ее только на портретах и был крайне разочарован при личной встрече. Брак вскоре был расторгнут, поскольку Генрих и Анна так и не вступили в супружеские отношения (официально – по причине предшествовавшей браку помолвки Анны с герцогом Лотарингским).

смеется. – Только подумай, сколько молодых девиц с радостью легли бы в его постель!

– Как ты не понимаешь – именно такую девицу он взял в прошлый раз, и вспомни, чем кончилось дело! Король не потерпит еще одной измены. Ты привлекаешь его именно тем, что совершенно не похожа на Екатерину Говард. Ты ее полная противоположность.

– Как же мне избежать его интереса?

– Не знаю, сестрица... Будешь держаться подальше от двора – только распалишь интерес короля. К тому же леди Мария все равно тебя скоро призовет – она хочет, чтобы ты была при ней.

– Ах, Анна... – Екатерина тяжело вздыхает и, закрыв глаза, подпирает лоб ладонью. Как хорошо было бы сейчас вскочить на Пьютера и галопом умчаться прочь – стать другим человеком, начать новую жизнь...

– Представь, как счастлива была бы наша матушка – за тобой ухаживает сам король!

– Ох уж наша честолюбивая матушка... Почему я не могу выйти замуж по любви, как ты?

– Кит, подумай только: стать королевой! Разве тебе не хотелось бы?

– Ты лучше других знаешь, каково быть его королевой! Ты была при дворе – видела, что случилось с ними всеми. Екатерина Арагонская закончила свои дни в изгнании, в каком-то забытом богом промозглом замке, разлученная с дочерью.

Про Анну Болейн нечего и говорить. Джейн Сеймур не получила надлежащего ухода после родов...

– От родильной горячки умирают многие женщины, уж в этом-то нельзя винить короля! – перебивает Анна. Она права: над беременными женщинами витает призрак смерти.

– Пусть так, однако вспомни об Анне Клевской, которая спаслась только потому, что согласилась на аннулирование брака. А Екатерина Говард?.. – Екатерина переводит дыхание. – Ты была там, застала их всех, видела все своими глазами!

Екатерине хочется ударить сестру.

– Но ты не такая, как они, Кит! Ты разумная и чистая.

– Разумная, значит...

Интересно, что сказала бы Анна, узнай она, что разумная и чистая сестра отдалась мятежному католику и напоила своего мужа смертельным ядом?..

– Ты не идешь на поводу у страстей.

– Действительно, – отвечает Екатерина, а сама думает о Сеймуре.

– Помнишь, Кит, как в детстве мы играли в королев?

– О да! – откликается Екатерина, обезоруженная милой улыбкой сестры. – Помню, как меня одели в простыню и выдали замуж за собаку!

– А помнишь, как бумажные короны все время сваливались с головы?.. Как, кстати, звали собаку – Дульси?

– Нет, такой собаки я не помню. Наверное, она появилась

после того, как я вышла замуж за Эдуарда Боро. Думаю, это был Лео.

– Точно, Лео! Он еще покусал сына брадобрея.

– А я и забыла... Неудивительно – это же был пес Уилла, тот наверняка его науськал!

– А помнишь, как Уилл в матушкином красном платье и с подушкой на животе изображал кардинала и уронил серебряное распятие? – смеется Анна. – Оно погнулось, и с тех пор я старалась на него не смотреть во время молитвы, чтобы не захихикать.

– А помнишь, как ты споткнулась о мой шлейф из простыни, врезалась в дворецкого, и тот уронил кувшин вина?

Смех Анны заразителен. В те времена они всегда смеялись, если только не были при дворе, где следовало вести себя прилично.

– Совсем забыла! – спохватывается Анна. – Уилл просил передать тебе кое-что.

Она достает из складок платья кожаный мешочек и вручает его Екатерине. Даже не открывая, та догадывается: это матушкино распятие. Горло сжимается, словно она проглотила камень.

– Как оно оказалось у Уилла? – спрашивает Анна.

– Я отдавала его в починку.

Екатерина встает и медленно идет к грядкам, отвернувшись от сестры, чтобы та ни о чем не догадалась. Почему Томас Сеймур не принес распятие сам? Значит, он с ней просто

играл! Флиртовал, чтобы затащить вдовушку в постель!..

Екатерина силой отгоняет эти мысли. В конце концов, она его совсем не знает.

– Еще тебе письмо, – добавляет сестра. – Почему на нем печать Сеймура?

– Не знаю, – отвечает Екатерина, поспешно убирая письмо в рукав.

– Читать не будешь?

– Там ничего важного – наверняка просто счет от ювелира. – Екатерине чудится, что письмо сейчас прожжет дыру в платье. – Пойдем, я покажу тебе, что посадила. Видишь – подписала все растения. Вот мандрагора от ушных болезней и подагры. – Екатерина представляет, как корни мандрагоры, словно маленькие трупы, впиваются своими конечностями в темную землю. – Говорят, ведьмы варят из нее приворотные зелья.

– И они правда могут заставить влюбиться кого угодно? – вытаращив глаза, спрашивает Анна.

– Чепуха!

– А что такое дигиталис? – Анна указывает на одну из надписей.

– Наперстянка, – отвечает Екатерина, чувствуя, как сжимается горло, будто призрак мужа схватил ее за шею. – От болей в печени и от тоски.

– Ее ведь еще называют заупокойными колокольчиками?

– Называют, – коротко откликается Екатерина, раздра-

женная расспросами сестры.

– Почему?

– Потому что она убивает, если превысит дозу! – резко говорит Екатерина. – Это яд. Все это яды, Анна! Смотри: вот белена, ее дымом можно снять зубную боль. – Екатерина почти кричит. Сорвав веточку, она машет ею перед носом Анны. – А вот болиголов; в смеси с буквицей и семенами фенхеля он может усмирить буйнопомешанного. И чтобы убить взрослого мужчину, достаточно превысить дозу белены или болиголова всего на каплю!

– Кит, да что с тобой? – Сестра гладит ее по спине.

– Не знаю, Анна, не знаю... – Екатерина чувствует прикосновение письма к коже, и ей чудится, что на этом месте рассыпается сыпь, вспухает волдырь или появляется иная метка дьявола. – Я сама не своя...

– У тебя горе, это естественно. Да еще ухаживания короля...

Екатерина молчит. Когда сестра уходит, она двумя пальцами достает из рукава письмо, как будто бумага пропитана одним из ядов, в которых она сама так хорошо разбирается. Хочется бросить письмо в огонь, не вскрывая, и притвориться, что она никогда не встречала Томаса Сеймура и не трепещет при одной мысли о нем. Чувство, которое ее переполняет, способно толкнуть на страшные безумства.

Екатерина проводит пальцем по печати с крылатым гербом Сеймура, в равной степени боясь и того, что письмо –

всего лишь вежливая отписка, и обратного. Наконец она ломает печать, рассыпая крошки красного сургуча, и разворачивает бумагу. Частое дыхание шумит в ушах.

Неаккуратный почерк Сеймура совсем не вяжется с его идеальным образом. Да и насколько вообще Сеймур таков, каким кажется?.. Впрочем, каким именно – Екатерина и сама не понимает. Что же произошло, почему она, имеющая четкое мнение по любому вопросу, находится в таком замешательстве из-за этого мужчины?.. В глаза бросается слово «любовь», и сердце бьется в груди, как птица в клетке.

Миледи Латимер!

Прежде всего позвольте принести Вам самые искренние извинения в связи с тем, как долго Вам пришлось дожидаться своего ожерелья. Я размышлял о том, чтобы привезти его лично, однако не осмелился, побоявшись, что Вы сочтете меня чересчур навязчивым. Единственным, пусть и малым утешением для меня была возможность держать при себе предмет, которого касалась Ваша рука. Видит бог, я искал повод вновь увидеть Вас, однако побоялся, что под взглядом Ваших прекрасных глаз не смогу обуздать любовь, которая теперь пронизывает все мое существо, и Вы отошлете меня прочь. Я боюсь этого до сих пор.

Планы короля вызывают у меня большую печаль: он часто ведет со мной беседы о том, что желает женить меня на Вашей драгоценной Маргарите. Если он отдаст мне такой приказ, я буду несчастнейшим человеком на Земле. Намерения короля в отношении Вас, слухи о

которых порхают при дворе, словно птицы, повергают меня в отчаяние, и я молюсь лишь о том, чтобы его интересы поскорее переменялись.

Вы не давали мне повода думать, что мои чувства взаимны, однако я должен был перед Вами раскрыться, иначе мне пришлось бы жить, сознавая, что я не был откровенен с единственной женщиной, пробудившей во мне настоящее чувство.

Мне необходимо Вас увидеть, иначе я зачахну от тоски. Молю, исполните мое единственное желание!

Ожидаю Вашего ответа,

навечно Ваш преданный слуга, Томас Сеймур

Екатерина глубоко вздыхает. Лихорадочное биение сердца отдается во всем теле: кончики пальцев дрожат, нутро трепещет, колени подгибаются. Она вздыхает вновь, не узнавая себя. В коридоре раздаются шаги, и Екатерина, даже не успев осознать своих действий, бросает скомканное письмо в огонь. Бумага скручивается и чернеет, а потом рассыпается в прах.

* * *

– Что это? – спрашивает повар, когда Джетро ставит на кухонный стол тяжелую корзину.

– Прислали из дворца для леди Латимер. Пахнет рыбой, – отвечает тот.

– Открывай! – велит Дот. Пока не пришел Джетро с кор-

зиной, она топила огарки свечей и заливала воск в формы. Теперь она встает, неловким движением опрокидывая горшок, и пол покрывается белыми восковыми брызгами. Дот едва слышно чертыхается.

– Дот, ты опять! А ну-ка отскребай! – прикрикивает на нее повар.

Схватив нож, она встает на колени и принимается скрести пол, стараясь не обращать внимания на шутки слуг.

– Растяпа! – дразнит парень, держащий за шею убитого гуся. Дот показывает язык.

Теплый воск легко отстает от пола красивой стружкой. Дот бросает его обратно в горшок и убирает на полку до прихода свечника.

В корзине, прибывшей из дворца, обнаруживается груда устриц, пересыпанных колотым и тертым льдом. Устрицы источают резкий соленый запах – наверное, так пахнет море. Сама Дот никогда не была на море, но постоянно думает о нем с тех пор, как Маргарита прочитала ей историю Тристана и Изольды. Дот пыталась представить себе безграничные морские просторы, стоя на берегу Темзы и слушая крики чаек... Не вышло.

– И что, ради всего святого, мне с ними делать?! – восклицает повар.

– Леди Латимер, должно быть, велит отнести их в церковь Святого Варфоломея и раздать бедным, – предполагает дворецкий. – Мне приказано отнести туда всяческие мази для

цинготных. Отложи устриц, сколько нужно для хозяйства, а остальные я заберу. Джетро, ты мне поможешь.

– Я потушу их к пятничному обеду, а остальное можешь уносить.

Повар отбирает устриц из корзины и бросает в таз. Дот с любопытством берет одну из них. На ощупь она холодная и шероховатая.

– Положи на место! – рявкает повар. – Еще не хватало растаскать их по всей кухне!

Дот роняет устрицу обратно в таз.

– Что за дела с этими подарками из дворца, Казинс? – спрашивает повар, понизив голос. – Неужто правда король хочет...

– Это не наше дело! – перебивает дворецкий.

– Надо ведь и о себе подумать! Если она выйдет за короля, то не будет держать этот дом.

– Леди Латимер не бросит нас на произвол судьбы! – уверенно говорит дворецкий. – Она о нас позаботится. Она не из тех, кто оставляет людей в нужде.

– И то верно, – соглашается повар.

– А я уже все равно сказал кой-кому, что ищу новое место! – заявляет паренек с гусем. Он ощипывает птицу и стоит теперь в облаке перьев. – Распорядитель кухни в Бермондси-Корт говорит, что им нужен судомойщик. Уж лучше устройсь туда, чем буду просить милостыню вместе с цинготной беднотой у Святого Варфоломея...

– Не выйдет она замуж за короля! – перебивает Дот. – Пустые сплетни! Король без конца всем шлет подарки.

Дот прекрасно знает, что обычные люди, даже такие родовитые, как леди Латимер, не становятся королевами. Такое бывает только в сказках.

– Тебе-то почему знать, Дороти Фаунтин? Весь Лондон об этом говорит! С чего бы им ошибаться? Бьюсь об заклад: так все и будет! – заявляет судомойщик.

– Про других тоже говорят – хоть бы про Анну Бассет, – возражает Дот. – Одно я знаю: через год-два леди Латимер выйдет замуж за какого-нибудь лорда, и все мы окажемся в очередном замке черт-те где. – Уже в дверях она оборачивается и добавляет: – Только любое черт-те где лучше Снейпа!

Во дворе Дот садится на перевернутое ведро, откидывается на нагретую солнцем кирпичную стену и закрывает глаза. Удивительно, что никто не говорит о предполагаемом замужестве Маргариты. Всех занимает то, что леди Латимер может стать королевой, будто это дело решенное.

Однако что-то явно происходит. То и дело приезжает паж Сеймура, летают туда-сюда письма – иногда по три-четыре в день. Видно, идут переговоры, хотя что обсуждать, когда дело касается свадьбы? А сегодня явился Сеймур собственной персоной – во всяком случае, Дот так думает, потому что с ним приехал тот самый паж, который сейчас болтается у конюшни с кружкой пива.

Сеймура она видела одним глазком: тот прискакал на гне-

дом коне – красивом, с лоснящейся шкурой, заплетенной гривой и намасленными копытами. Лицо всадника Дот не рассмотрела, однако бархата и мехов на нем было столько, что впору потопить королевский корабль, а чулки – белее свежего снега. Дот сразу подумала о бедной прачке, которой приходится их стирать.

– А я тебя ищу, Дот! – По двору идет Маргарита с Ригом на руках. – Нельзя сидеть вот так на солнце, загорись!

– Подумаешь! – фыркает Дот. – В такую славную погоду грех переживать о загаре.

– Но у тебя веснушки на носу! – с ужасом восклицает Маргарита. – Люди сочтут тебя простолюдинкой!

– Как будто меня это волнует! К тому же я и есть простолюдинка, – смеется Дот.

– Да ладно!

– Ну уж за леди меня точно никто не примет!

– Погуляешь со мной, Дот? Я спрячусь от матушкиного гостя. Это он, – шепотом поясняет Маргарита.

– Самую малость – у меня еще полно работы. – Дот подбирает юбки и бежит к фруктовому саду, крича на ходу: – Кто последний, тот проиграл!

Щенок вырывается у Маргариты из рук и возбужденно бросается вперед. Сама она изрядно отстаёт – тяжелое парчовое платье не создано для бега.

В глубине фруктового сада тенисто и прохладно. Землю устилают ковер из лепестков. Дот стягивает с головы чепец,

подбирает охапку лепестков и подбрасывает их в воздух, встряхивая волосами под цветочным дождем.

– Замучаешься вычесывать, – замечает Маргарита.

– А вы попробуйте! – Дот снимает с Маргариты арселе, распускает волосы и осыпает ее лепестками, словно снежинками. Вскоре они уже швыряются друг в друга горстями лепестков и хохочут так, что становится нечем дышать. Лепестки пристают к юбкам, застревают в складках рукавов, прилипают к коже, забиваются в уши. Маргарита и Дот со смехом падают на землю и смотрят в небо сквозь кружево яблоневых ветвей.

– Порой я гадаю, наблюдает ли за мной отец, – задумчиво говорит Маргарита. – И не упрекает ли он меня за то, что я о нем забыла, раз могу веселиться.

– Ох, Мег, беспокойная вы душа! Уверена, батюшка ваш изрядно бы огорчился, узнай, что вы намерены провести жизнь в беспрестанных молитвах о нем. Он был бы рад, что вам весело.

Дот порой задумывается, что происходит с людьми после смерти, но мысль эта слишком велика для ее неученой головы. Где находится рай и почему на облаках не видно ангелов и херувимов? Трудно во что-то верить, когда нет доказательств, – да только в этом и есть суть веры. И если Дот будет хорошо себя вести, то довольно скоро сама узнает, есть ли рай. Но если окажется недостаточно хорошей... Интересно, раз ад – море огня, то как же это море горит? Больно ли это

и можно ли привыкнуть?.. Однажды Дот сильно обожгла палец, и было очень больно. Она старается быть хорошей, хоть это и трудно, когда одни говорят одно, другие другое, и каждый утверждает, что прав.

В детстве, до великих перемен, все было проще. Если набедокурил, согрешил в мыслях или украл у торговца сушеный инжир, достаточно было исповедоваться, прочитать несколько молитв, и грех снимался. А богатые грешники могли купить у папы римского отпущение грехов – даже самых страшных. Дот понимала, что сильно грешить нельзя – никогда не хватит денег расплатиться. Вот, например, когда брат их соседа в Станстед-Эбботс, Тед Элдрик, убил человека в драке, он обеспечил себе место в аду, и никакого тебе отпущения грехов.

Многие верят в отпущение и по сей день, однако другие теперь считают, что грехи остаются с человеком до самого конца. Так думают и леди Латимер, и Маргарита, хотя говорить об этом нельзя. Интересно, раз лорд Латимер придерживался старой веры, значит, он попал в ад?.. Об этом Дот не спрашивает, не то Маргарита будет переживать еще сильнее.

– В жизни столько тревог... – вздыхает Маргарита.

– А если без конца об этом думать, жить станет еще труднее!

Дот убирает со щеки Маргариты прилипший лепесток.

– Ты права, Дот. Просто мне хотелось бы... – Она умолкает, не закончив.

Дот все равно, на каком языке написано Евангелие – на английском или на латыни, – ведь она не умеет читать и никогда не вслушивается в слова священника на службе. Когда она узнала о пресуществлении, мысль о том, что вино превращается в кровь Христову, а хлеб – в плоть, показалась ей отвратительной. Однажды Дот даже тайком выплюнула просфору на ладонь, однако не увидела никакой плоти – только пережеванную хлебную массу, которую украдкой вытерла о нижнюю сторону церковной скамьи. Наверное, это был грех.

Впрочем, в новой религии пресуществления нет: считается, что причастие – исключительно символическое действие и Богу достаточно искренней веры. А еще реформаторы не согласны с тем, что папа может отпускать грехи, и в Смит-филде без конца кто-то проповедует на эту тему. Дот с ними согласна. К тому же за старую веру боролись Мергатройд и его клика, а изнасилование юных девиц вряд ли угодно Богу. Однако Дот не знает, можно ли считать себя реформатором, если не соглашаешься со старой верой. Многое ей непонятно, да и, честно говоря, неинтересно. Богу нет дела до простого люда, а жизнь надо жить – не тратить на переживания о том, что произойдет после смерти. Поэтому Дот затевает их с Маргаритой излюбленную игру, чтобы сменить тему.

– Что бы вы предпочли – питаться одной репой или одной капустой?

– И то, и другое гадость! – смеется Маргарита. – Но, по-

жалуй, капустой. Кем бы ты предпочла быть – бедным мужчиной или богатой женщиной?

– Сложно!..

Их прерывают звуки голосов за тисовой изгородью в садику с лечебными травами.

– Тсс! – Дот прикладывает палец к губам Маргариты. – Это ваша матушка и Сеймур! Наверное, будут обсуждать ваш брак.

Поморщившись, Маргарита шепчет:

– Ты что-нибудь слышишь? Мне не слышно.

– Идемте. – Дот пролезает в дыру в основании изгороди. – И возьмите Рига, а не то он нас выдаст.

Маргарита берет на руки щенка и протискивается в дыру вслед за Дот. Отсюда они могут незамеченными обозревать садик.

Леди Латимер и Сеймур стоят у пруда и о чем-то оживленно разговаривают, однако разобрать слова невозможно.

– Во всяком случае, он привлекательный, – заключает Дот, потому что у Сеймура стройное тело, длинные ноги, густые кудрявые волосы и правильные черты лица – это видно даже на расстоянии.

Маргарита молчит. В изумлении они наблюдают, как Сеймур гладит леди Латимер по щеке, а та перехватывает его руку и целует. Что происходит?..

Он срывает с леди Латимер чепец и запускает руку в волосы. Маргарита смотрит на это, вытаращив глаза и раскрыв

рот, словно голодный птенец. Сеймур прижимает леди Латимер к каменному циферблату солнечных часов и запускает руку ей под юбку.

– Нет! – вскрикивает Маргарита, однако те двое ее не слышат, полностью поглощенные друг другом. – Он напал на нее! Его надо остановить...

Закрыв ей рот рукой, Дот шепчет:

– Они нас заметят!

Она понимает, что следует отвернуться, но не может себя заставить. Теперь Сеймур целует леди Латимер – в губы, в шею, в грудь, трется и прижимается к ней. У Маргариты по щекам текут слезы, поблескивая в солнечных лучах.

– А как же отец?.. – всхлипывает она.

* * *

Время остановилось. Екатерина тает, переполненная прикосновениями Сеймура, его запахом – мужским, древесным, мускусным... Она совершенно позабыла о приличиях, не в силах сдерживать себя под его сияющим взглядом. Сейчас Екатерина готова исполнить любой его приказ.

Жесткая борода Сеймура царапает кожу, он кусает Екатерину в губы, и рот наполняется медным вкусом крови. Как давно к ней не прикасался мужчина!.. Ее переполняет желание. Она хочет проглотить Сеймура, объять собой, сделать частью себя. Все сомнения насчет его намерений, мысли о

том, кто она для него – очередной трофей, удобная вдовушка, богатая наследница, – полностью растворились. Она Ева, а он Адам, и они погружаются в сладостную пучину греха. Разумной Екатерины Парр больше нет.

Сеймур шарит у нее под юбкой. Раздается стон – Екатерина не знает чей. Она присасывается поцелуем к соленой коже у него на шее и распадается на тысячу частиц. Это мгновение стоит вечности в адском пламени!

Дрожащими руками Екатерина развязывает его шнурки. Он подсаживает ее на циферблат солнечных часов и входит – до упора, до самого нутра, растворяется в ней, а она в нем.

Баржа Сеймура, Лондон, май 1543 года

Екатерина сейчас легче воздуха, словно бумажный фонарик в небе.

– Томас... – шепчет она, и его имя растекается медом по языку.

– Любимая! – Сеймур прижимает ее к себе. Она утыкается носом в его атласный дублет и чувствует, как разворачивается змея, свернувшаяся клубком у нее в животе.

В последние недели – шесть недель тайных встреч – Екатерина не думала ни о чем, кроме Сеймура. Ее поглотило желание и даже больше, чем желание, – нечто необъяснимое. Она помнит, какое презрение вызвал Сеймур при первом знакомстве и как быстро изменились ее чувства. Что это – любовь? Тогда любовь нелогична – выходит, она способна вырасти из ненависти, как цветок чудесным образом пробивается из щели в брусчатке.

Брат был прав: «Он не такой, как ты думаешь». Однако в определенном смысле Сеймур именно такой: самовлюбленный, разряженный в пух и прах – только теперь эти качества, казавшиеся такими отвратительными, дороги ее сердцу. В экстравагантных нарядах она видит отражение его незаурядной творческой натуры, а самовлюбленность толкует как твердую уверенность в себе. И если поначалу Екатерина со-

чла Сеймура поверхностным, то теперь находит в этом всего лишь легкость нрава.

– Любимая! – вновь говорит он, и Екатерина тает.

– И почему слова обладают такой силой? – удивляется она.

– А что мы, как не слово?

Баржа усыпляюще покачивается на воде, полог скрывает парочку от любопытных глаз. Сеймур вплетает пальцы Екатерины в свои, она утыкается носом ему в шею и вдыхает его запах. Все прочие переживания отступили: она не чувствует вины из-за смерти Латимера, не волнуется о Маргарите; произошедшее в Снейпе стало полузабытой историей из прошлого; король, слухи, подарки – все это не имеет никакого значения. В присутствии Сеймура она забывает о заботах – нет ни прошлого, ни будущего, только дивное бесконечное настоящее.

Екатерине знакомо медленное зарождение любви в браке между двумя чуждыми друг другу людьми, однако этому новому чувству нет названия. Оно похоже на мимолетное порхание бабочки – непойманной и оттого еще более прекрасной. Суррей когда-то попытался выразить его в стихах; Екатерина помнит, как он декламировал в покоях леди Марии – серьезный, с опущенными глазами. «О мимолетном влечении, муках и горестях любви», – начал он, и по комнате пронесся вздох печального узнавания. Только теперь Екатерина поняла его слова.

Когда баржа проплывает мимо собора Святого Павла, на-

чинается перезвон колоколов, как будто возвещая о прибытии любовников. Екатерина совсем забыла, что здесь покоится ее муж. Шум реки звучит как серенада: крики чаек, голоса лодочников, гомон, доносящийся с арен Ламбета²⁴, выкрики торговков Саутварка²⁵, глухой стук руля, влажный плеск весел, отсчет времени, который ведет рулевой.

Сеймур наклоняется к ее губам, проникает языком в рот, они стукаются зубами, и Екатерину переполняет отчаянное желание. Он так близко, что два его глаза сливаются в один.

– Циклоп! – Она со смехом отодвигается, чтобы видеть его целиком.

– Твое одноглазое чудовище!

– Какую же чепуху мелют влюбленные!

Сеймур дует ей в лицо; его дыхание пахнет анисом.

– Лево руля! – выкрикивает один из гребцов, и баржа, дернувшись, уходит в сторону.

Екатерина выглядывает наружу. В грязной вонючей воде плавают обломки. Лодки собираются вокруг странного раздутого предмета; мужчины, покачиваясь, привстают, чтобы рассмотреть получше.

– Что за чертовщина? – спрашивает один из них.

– Утопленник, – отвечают ему.

– Бедняга! – Мужчина снимает шапку.

---

²⁴ Ламбет – район на юге Лондона, где были арены для медвежьих боев.

²⁵ Саутварк – район в центре Лондона с рынками, гостиницами, тавернами, театрами и борделями.

– Не смотри! – говорит Сеймур и мягко прикасается к щеке Екатерины, однако она уже увидела распухший труп с изуродованным лицом и развороченным нутром.

Тут же возвращаются все заботы и переживания. Что если узнает король?.. Они с Сеймуром были недостаточно осторожны – в тот первый раз, в саду, их мог застать кто угодно. С тех пор они таятся, однако Екатерину захлестывает неожиданный страх расплаты.

Сеймур снимает с нее перчатки и целует каждый палец.

– Неужели это и есть любовь, Кит?

Стараясь отогнать страх, терзающий грудь, она отвечает с деланой беззаботностью:

– Откуда мне знать?

– Не ты ли дважды была замужем?

– Какая же связь между браком и любовью? – смеется Екатерина, а страх впивается глубже. – Это вы, господин Сеймур, искушены в любовных делах, если верить придворным слухам. Сколько на вашем счету разбитых сердец! – Она легонько подталкивает его в бок.

– Все это – безумства юности, – серьезно отвечает Сеймур, глядя ей в глаза. – И то были девицы, а ты – женщина. Настоящая женщина, Кит!

– И почему же это делает меня более пригодной для любви?

Екатерина хочет спросить, не тревожно ли ему, однако боится спугнуть настроение.

– Дело не в том, что ты женщина, а в том, *какая* ты женщина. Я не могу объяснить – загадка любви не дается даже поэтам. Но ты, Кит... – Смутившись, он отводит глаза. – Ты придаешь моей жизни смысл.

Удивительно – ведь сама Екатерина не видит смысла ни в чем. Хочется вернуть те чувства, что владели ею несколько минут назад, снова, хоть на мгновение увидеть ту прекрасную бабочку. Да только бабочками можно по-настоящему любоваться лишь тогда, когда они пойманы, высушены и приколоты к доске...

Екатерина поеживается – речной холод внезапно проникает до самого нутра.

– Завтра мне нужно явиться ко двору, – признается она, досадуя на себя за то, что убивает прекрасную бабочку и для Сеймура.

Он стискивает зубы и становится похож на обиженного мальчишку; хочется обнять его и утешить.

– Приказ короля? – мрачно спрашивает Сеймур.

Интересно, говорил ли он об этом с Уильямом. «На долю Парров не выпадало большей удачи, – заявил брат. – Породниться с королевской семьей, Кит! Место в истории нам будет обеспечено». «Слишком ты честолюбив, Уилл!» – раздраженно заметила Екатерина, а он ответил: «Меня так воспитали. Как, впрочем, и тебя».

Он прав. Все люди их сорта стремятся поднять свой род как можно выше. Вечная игра в шахматы, такая сложная, что

невозможно понять, выигрываешь ты или проигрываешь.

«И потом, кто сказал, что речь о замужестве? Король наиграется и утратит ко мне интерес, вот увидишь», – возразила Екатерина брату. Интересно, как бы Уильям поступил, узнай он, что главное препятствие на пути к браку сестры с королем – его друг Сеймур? Ведь если Екатерина выйдет замуж за Сеймура, она уже не сможет принадлежать королю.

Замуж за Сеймура! Безумная фантазия, однако Екатерина думает об этом постоянно. Почему нет? Почему она не может выйти замуж по любви?

Причин множество, начиная с того что Сеймур – шурина короля и не может жениться без его разрешения, иначе это будет сочтено изменой. Изменой вообще может быть сочтено все, что угодно – любое деяние, нарушающее порядок вещей, а порядок вещей диктует король.

Клубок этих мыслей с каждым днем запутывается все сильнее, и Екатерина не в силах его размотать.

– Нет, меня призвала леди Мария, – отвечает она, стараясь не выдать беспокойства, царящего в душе.

– Готов биться об заклад, что за этим стоит король! – раздраженно бросает Сеймур, отдергивая руку.

– Томас Сеймур, вы дуетесь?!

Он смотрит на Екатерину исподлобья.

– Вы ревнуете! – смеется она, обрадованная этим доказательством любви, и мысли о короле тут же исчезают, словно по мановению волшебной палочки.

Сеймур лишь мрачно улыбается.

– Потерпи, Томас, – примирительно говорит Екатерина. – Пройдет немного времени, и королю наскучит...

– Я не желаю говорить о короле! – взрывается Сеймур.

– Послушай, Томас, тебе не о чем волноваться! – продолжает она тем же успокоительным тоном. – Он женится на девице Бассет, все так говорят. Вот увидишь!

Однако ей не удастся убедить даже себя.

– Я хочу тебя, Кит! Я желаю, чтобы ты принадлежала только мне!

– Потерпи немного. Совсем чуть-чуть!

– Обязательно ли тебе являться ко двору?

– Обязательно, ты же сам понимаешь.

– И ты возьмешь с собой падчерицу?

– Ей тоже приказано явиться.

– Все прочат ее мне в жены. Я не хочу подпитывать эти слухи! – с досадой говорит Сеймур.

– Все это чепуха! Маргарита ни за кого не выйдет замуж без моего разрешения.

– А если этого пожелает король?

– Томас, у короля наверняка есть дела поважнее, чем устройство брака Маргариты Невилл! Это просто минутная прихоть, которую раздули сплетники.

Сеймур фыркает и хмурится, как сердитый щенок. Сердце в груди у Екатерины сжимается – Сеймур завладел им безраздельно.

Уайтхолльский дворец, Лондон, июнь 1543 года

Когда Дот пыталась представить себе Уайтхолльский дворец, ей виделся Тауэр: плеск Темзы у подножия, узкие щели окон, зловонный ров вокруг башни – древней, крепкой, как скала, и так же прочно впившейся корнями в землю. Говоря о Тауэре, люди невольно переходят на шепот, потому что именно туда ссылают изменников и в его подземельях творятся страшные вещи.

Однако Уайтхолл совсем не похож на Тауэр. Его крепостные башни, возвышающиеся над лабиринтом улиц Вестминстера, видны на много миль вокруг – новенькие, белые, сияющие на солнце, с плещущими на ветру флагами. Никаких бойниц, никакого рва – даже стражники в красно-золотых ливреях, нарядных, как у самого короля, кажутся игрушечными. Наверняка именно так выглядел Камелот.

Уайтхолл огромен – в его стенах могла бы поместиться сотня таких замков, как Снейп. Это целый город, оживленный, как рынок в Смитфилде. На главный двор выходит крыльцо с широкими каменными ступенями, ведущими в

Большой зал и часовню, а где-то в глубине скрываются королевские покои; туда путь Дот заказан. За аркой находятся конюшни, а дальше – надворные постройки: прачечная с полем для сушки белья, амбары, кладовые, скотобойня, псарня, где от лая и воя гончих шумно, как на бойцовой арене или на теннисном корте во время оживленной игры. Длинная череда построек обрывается у реки, где располагаются уборные и в безветренную погоду стоит ужасная вонь.

В противоположном направлении, по пути к Скотланд-Ярду и жилищам придворных (где разместились и леди Латимер), находятся ристалище и площадка для игры в шары²⁶, а за ними – бесконечные сады, очерченные квадратами тисовых изгородей. Каждый сад словно отдельная комната, с декоративными прудами, авиариями и всевозможными цветами. Здесь есть сад с ароматическими травами, сад благоухающей лаванды, над цветками которой гудят пчелы, и сад-лабиринт, куда Дот не рискует заходить, боясь потеряться (впрочем, он все равно не для слуг). По садам разгуливают придворные, которым делать нечего, кроме как бесцельно бродить и нюхать цветочки.

На много акров раскинулись огороды, где целыми днями трудятся женщины – сажают, пропалывают и окучивают овощи. Неумолчное звяканье их лопаток и грабель несется над

---

²⁶ Игра в шары – традиционная английская командная игра, суть которой заключается в том, чтобы подкатить асимметричные большие шары как можно ближе к маленькому белому шару.

ровными рядами латука, похожего на береты придворных, над кудрявыми ветками фенхеля и вьющимися побегами гороха. Порой, когда никто не видит, Дот срывает стручок гороха, выковыривает сладкие горошины, лежащие на бархатистой подложке, и с наслаждением забрасывает в рот.

Кухни Уайтхолла – отдельный мир, кишаций слугами, которые деловито таскают дрова, катают бочки, разжигают огонь, посыпают песком полы, вращают вертела, ощипывают птиц, пекут хлеб, рубят мясо, режут и крошат, месят и трут. Столы на несколько сот персон в Большом зале накрывает целая армия слуг – таких незаметных, что можно подумать, будто блюда появляются сами собой. Да и весь дворец словно управляется невидимками: постели в мгновение ока застилаются свежим бельем, полы чудом отмываются от грязи, одежда чинится, ночные горшки начищаются, пыль исчезает как по мановению руки.

Дот ошеломленно бродит по коридорам и не знает, чем заняться. Строго говоря, ей вообще не полагается здесь быть: не считая дворцовой прислуги, находиться в Уайтхолле могут только служители благородного происхождения, да и на них лорд-камергер смотрит неодобрительно, поскольку дворец, хоть и огромен, не может вместить всех. Однако леди Латимер настояла на том, чтобы взять Дот с собой. «Ты для меня почти член семьи, и я не намерена бросать тебя на произвол судьбы!» – заявила она, и Дот вздохнула с облегчением, поскольку до ужаса боялась, что придется вернуться в

Станстед-Эбботс, к прежней жизни, которая стала ей чужда.

Покои леди Латимер находятся в таком лабиринте зданий, что в первые три дня Дот терялась всякий раз, выходя за порог. «Покои», впрочем, – слово довольно громкое. Дот воображала себе залу с высокими стеклянными окнами и большой кроватью, вроде той, что в Уэре²⁷, где могут свободно разместиться десять взрослых мужчин, – а оказалось, что это довольно скромная комната. Как объяснила леди Латимер, роскошные покои непосредственно во дворце полагаются только герцогам и фаворитам. Даже графы и графини вынуждены жить отдельно в комнатах не больше этой, да и то большое везение, потому что многим приходится селиться за пределами замка.

Леди Латимер, похоже, вполне довольна положением дел. Дот слышала, как она говорила Маргарите, что король явно утратил к ней интерес – ведь будь она фавориткой, ее бы, несомненно, поселили во дворце. Однако Дот уверена, что главное достоинство удаленных от дворца покоев для леди Латимер – возможность время от времени тайком видеться с Томасом Сеймуром.

Этих двоих связывает настоящая страсть. Дот до сих пор не может забыть сцену, разыгравшуюся в саду Чартерхауса; от одного воспоминания внизу живота растекается тепло, и

---

²⁷ Уэр – город в Хартфордшире. Прославился тем, что в одной из гостиниц была установлена огромная кровать длиной 3,38 м и шириной 3,26 м. Стоит отметить, что упоминание кровати здесь – анахронизм, поскольку она была сооружена около 1590 г.

Дот гадает: каково это, когда мужчина так на тебя набрасывается? Невозможно вообразить, чтобы парень вроде Гарри Дента или Джетро набросился на нее так, как Томас Сеймур на леди Латимер, – словно кобель на суку. Ночами Дот думает об этом, прикасаясь к себе до тех пор, пока не начинает содрогаться живот, а кровь не приливает к голове. То, что заниматься этим грешно, ее не заботит – зачем бы Господь дал человеку такие приятные ощущения, если это грех?

Маргарита об увиденном в саду не упоминает, и Дот не заговаривает с ней об этом, чтобы не расстроить. Во всяком случае, о планах выдать ее замуж за Сеймура больше не слышно. Маргарита проводит дни в молитвах, грызет ногти, а за обедом притворяется, что ест. Ей полагается спать в покоях леди Марии с фрейлинами, однако чаще всего она сбегает оттуда к леди Латимер, и немудрено: как Маргарите спать вместе с кучей девушек, которые наверняка до утра болтают о парнях – кто нравится, с кем целовались и все в таком роде?

У Дот есть вполне удобный соломенный тюфяк и возможность укрыться за занавеской в нише. В целом она устроилась весьма неплохо, хотя долгими днями, когда леди Латимер и Маргарита проводят время с леди Марией за прогулками, вышиванием и мессами, ей довольно одиноко. Она скушает по веселой кухне в Чартерхаусе, где можно было сидеть у огня и болтать с остальными, когда переделаешь все дела.

А дел немного: навести порядок в их небольшом жили-

ще, почистить утварь, постирать деликатные предметы белья. Остальной стиркой занимаются прачки – крутят белье в огромных бочках, над которыми стоит облако пара, а потом развешивают на изгородях, как белые флаги.

Еще Дот отвечает за починку одежды – пришивает оторванные крючки и штопает прорехи; однако все это занимает немного времени. Освободившись, она исследует замок. Иногда, когда все на мессе, Дот, вместо того чтобы работать, разуается и скользит по длинным отполированным коридорам в одних чулках, воображая, что катается по льду.

Брэйдон, паренек, который каждое утро приносит дрова, любезно объяснил ей, где найти хворост для растопки, куда сливать ночные горшки, где взять ароматные травы для комнаты, куда ходить на обед и все такое. Он даже показал Дот ведро с котятками на дровяном складе, и это было мило, а потом полез целоваться, что было уже не очень, потому как Брэйдон прыщавый, краснорожий и у него одно на уме. Дот дала ему от ворот поворот, и с тех пор он дуется, не замечает ее, а еще, видно, наболтал чего-то на кухне, и теперь слуги тарашатся и хихикают, когда она проходит мимо.

Иногда Маргарите удается незаметно ускользнуть или наврать, что у нее болит голова, и тогда они с Дот валяются на траве в саду с луговыми цветами – маками, бутенем и маленькими синими незабудками. Слышны только стрекот насекомых да пение щеглов в ветвях фруктовых деревьев. Если лежать ровно, издалека незаметно, что в высокой траве

кто-то есть, и можно притвориться, что они с Маргаритой остались одни на белом свете. Они подпевают птицам и угадывают фигуры в облаках: галеон, корону, крылатого коня.

Маргарита рассказывает, каково в покоях леди Марии: девушки порой ведут себя очень нехорошо по отношению друг к другу, и никто не говорит того, что думает. Они, как выражается Маргарита, «выворачивают все свои слова наизнанку», и ей это не нравится. Впрочем, она вообще не из тех, кто легко привыкает к новому.

– А леди Елизавета – какая она? – спрашивает Дот.

– Я ни разу ее не видела. Она живет где-то в другом месте, и о ней почти не упоминают.

– Но почему? – недоумевает Дот. – Ведь она младшая дочь короля.

– Король не хочет вспоминать о ее матери – по крайней мере, так говорят. – И Маргарита жестом показывает взмах топора.

– Нан Болин... – шепчет Дот, как будто, если скажешь это имя вслух, обратишься в камень.

– Да, Анна Болейн, – шепотом откликается Маргарита, прикрыв рот рукой.

– Тогда расскажите про принца Эдуарда.

– Его я тоже не видела. Принца держат подальше от Лондона – боятся заразы. Но о нем все время говорят: что он ест, как одевается, какого цвета у него стул, как пахнет его пердеж...

– Маргарита Невилл! Чему вас там учат?!

– Все эти благородные особы весьма несдержанны на язык, – хихикнув, объясняет Маргарита, и Дот рада, что она немного взбодрилась.

Вечером, после ужина Дот забирается на невысокую стену, смотрит на горящие желтым окна дворца, где мелькают силуэты танцующих людей, и слушает доносящуюся оттуда музыку. Она пытается представить, как выглядит король, и гадает, есть ли у него нимб над головой, как на картине в храме.

* * *

Не проходит и месяца, как объявляют о переезде на лето, и Дот понимает, что бурная деятельность, которая кипела в Уайтхолле до сих пор, ни в какое сравнение не идет с подготовкой к отъезду. Занавесы снимают и выбивают во дворе, так что пыль стоит столбом, а потом складывают в холщовые сумки и упаковывают в сундуки. Платья перекладывают слоями муслина, пропитанного камфорой, чтобы защитить от моли. Посуду убирают в корзины, мебель разбирают – словом, все, что можно увезти, должно быть увезено во дворец Хэмптон-Корт, который, как говорит леди Латимер, еще больше этого.

Придворные поплывут на барже, а Дот уже сегодня выезжает в телеге с багажом и Ригом. Вместе с ней едут лю-

ди лорда-стюарда с мебелью; дворцовая прислуга; хранители платья с королевской одеждой, занавесами, подушками и коврами; конюший и конюхи с лошадьми, натренированными для охоты. Говорят, в Хэмптон-Корт большие охотничьи угодья и к столу будут почти каждый день подавать оленину. Вестовые выехали утром; завтра, когда придут король и придворные, их уже будет ждать большой пир. Леди Латимер и Маргарита поплывут с леди Марией на одной из барж вместе с королем. Они будут беззаботно скользить по воде, а во дворце к их приезду все уже будет готово, словно по волшебству.

Маргарита не в духе и напряжена.

– Опять перемены, Дот! – жалуется она. – Я не выдержу!

Дот уводит ее в сад, где они ложатся в траву и прячутся от всего мира.

– Я скучаю по тебе, Дот! Наверху только и разговоров, что о замужестве.

– Кое-что в этой жизни не изменить, Мег, – говорит Дот, беря ее за руку, и замечает, что за прошедший месяц она сильно похудела. Даже если Маргариту выдадут замуж, она все равно не принесет мужу наследника – просто не сможет зачать. У нее уже и месячные не идут.

Маргарита прижимается к Дот, ее дыхание щекочет щеку.

– Хотела бы я спать с тобой в одной постели, как раньше, Дот...

Весь двор оживленно готовится к переезду. Екатерина стоит у окна в западном коридоре и наблюдает за погрузкой гардероба леди Марии в десятке сундуков, укладкой которых лично руководила. Стоит отличная погода, и Екатерине не терпится вырваться из города. Уборные распространяют мерзкую вонь, огороды опустели, появились слухи о чуме – словом, пора уезжать.

Екатерине полагается присутствовать на мессе, однако ей хочется побыть одной, и она надеется, что леди Марию не слишком расстроит ее отсутствие. Впрочем, та наверняка будет настолько погружена в молитву, что даже не обратит внимания. Конечно, кто-нибудь ей донесет – остроглазая Сюзанна Кларенсье или мстительная Анна Стэнхоуп, – но Екатерина всегда может ответить, что хотела лично проследить за погрузкой багажа.

Несмотря на все сомнения, Екатерине нравится при дворе. Здесь постоянно что-то происходит – пиры, маскарады, – и это отвлекает от мыслей о прошлом. Даже в сплетнях и интригах есть свое очарование. А как приятно вновь встретиться со старыми друзьями и оказаться под одной крышей с сестрой! Здесь Екатерина возобновила общение с Кэт Брэндон, герцогиней Саффолк, – своей давней подругой, с которой они когда-то вместе учились при дворе. Они тайком об-

мениваются новыми книгами и обсуждают новую веру – шепотом, потому что ветер вновь переменился. Реформистов наказывают за употребление мяса в пост, а Библия на английском языке разрешена только для знати. За всем этим стоит Гардинер; будь его воля, он мигом вернул бы Англию папе – однако король, хоть и склоняется с возрастом к старой вере, ни за что не расстанется со статусом главы церкви.

Хотя мрачная тень Гардинера нависает над дворцом, ему не под силу заглушить перешептывания о реформе, поскольку среди приверженцев новой веры есть влиятельнейшие лица, приближенные к королю, в том числе брат Томаса – граф Хартфорд. Так что книги продолжают циркулировать при дворе, и на это закрывают глаза. Впрочем, наивно думать, будто здесь хоть что-нибудь может делаться в тайне.

Тем не менее Екатерина с удовольствием сменила мрачную тишину Чартерхауса на придворную суету и рада как можно реже оставаться наедине со своей виной. Несмотря на расхождения в вопросах веры, Екатерина любит леди Марию. Они часто сидят в ее личных покоях и читают друг другу вслух или вышивают, болтая о том о сем. Мария страдает мучительными головными болями, и Екатерина приготовила для нее микстуру из пиретрума и белокопытника, а еще делает компрессы из капустных листьев. Благодаря этому Мария стала бодрее, и король, который не терпит чужих болезней, теперь относится к ней более благосклонно.

Однако главное, что удерживает Екатерину при дворе, –

это Томас, хотя им до сих пор выдавалось не так много шансов побыть вместе: случайный поцелуй за ее домом; совместная прогулка в вечернем саду на берегу реки, мерцающей в лунном свете, – прогулка без возможности взяться за руки, поскольку из окон дворца за ними могли наблюдать; жадные объятия и поцелуи за конюшней, от которых у Екатерины закружилась голова и распухли губы.

Каждый день встречаясь с Томасом на людях, Екатерина делает вид, что они едва знакомы.

– Добрый день, миледи! – говорит он, снимая берет и незаметно подмигивая.

– И вам добрый день, сэръ! – Екатерина небрежно кивает и отворачивается.

Она, впрочем, не настолько наивна, чтобы полагать, будто никто не замечает их отношений. При дворе и почесаться нельзя так, чтобы это осталось тайной. Анна Стэнхоуп неотступно следит за всем своими выкаченными глазами и докладывает мужу, Хартфорду, каждую мелочь: кто с кем согласен, кто с кем повздорил, у кого из дам появились новые украшения и все в таком роде. При дворе знания – сила, и граф Хартфорд использует ее в полной мере.

Король посещает леди Марию ежедневно, иногда дважды в день, однако не проявляет к Екатерине особого внимания – лишь говорит обычные любезности, как и остальным дамам. Да и покои он ей пожаловал не самые лучшие. Зато часто выбирает Екатерину для игры в карты или шахматы,

утверждая, что только она для него – достойная соперница. «Остальные слишком боятся и потому плохо играют», – как-то раз шепнул король, и Екатерина задумалась, каково это – жить в атмосфере неискренности. А ведь он, должно быть, всегда так и жил – или, по крайней мере, с тех пор как стал королем; в детстве, возможно, дела обстояли иначе. Если бы брат Генриха, принц Артур, не умер, мир был бы совсем другим, и Англия наверняка осталась бы в лоне римской католической церкви.

Екатерина тщательно взвешивает каждый свой шаг, чтобы не дать королю ни малейшего поощрения. Анне Бассет он недавно подарил хорошенького пони; все ее родные считают это знаком особого королевского расположения и лучатся самодовольством. Екатерину они мнят соперницей, даже не догадываясь, что та многое отдала бы за победу Анны.

Екатерина упорно носит траур и не надевает никаких украшений, кроме распятия матери. Впрочем, Сеймур заявил, что черный цвет лишь подчеркивает красоту ее кожи, сияющей, как алебастр в лунном свете. «Зачем лилии позолота?» – сказал он, а Екатерина ответила: «Оставь, Томас, ты же знаешь, что меня не впечатлить такими словами!» – хотя на самом деле впечатлена и ничего не может с собой поделаться. Достаточно его взгляда – и она вся горит. В его устах комплименты не кажутся пустыми.

В коридоре слышатся шаги, на плечо ложится рука, и Екатерина окутывает мускусно-кедровый аромат – его запах. Она закрывает глаза и выдыхает:

– Томас, не здесь...

– Не бойся, рядом никого. Все на мессе – слышишь?

Из часовни действительно доносится ритмичное чтение евангелия. В лучах заходящего солнца небо словно обнажает свою плоть тысячей оттенков розового, но Сеймур не дает Екатерине полюбоваться закатом – берет за плечи и разворачивает к себе. Его лицо искажено не то гневом, не то беспокойством, не то страхом, и Екатерина тщетно ищет среди этих чувств нежность.

– Брат сообщил мне плохие новости, – говорит Сеймур, не глядя ей в глаза.

Екатерина кладет руку на его теплую шею, тянется к губам, но он отстраняется с глухим: «Нет!»

– Что случилось, Томас?

– Как я и боялся, король хочет взять тебя... в жены. – На последнем слове Сеймур запинаяется. Его лицо ничего не выражает – он привык скрывать слабость, – однако в глазах Екатерина читает печаль.

– Ерунда! В последний месяц король почти не достаивал меня взглядом. Все это просто сплетни! – смеется она.

– Сплетни! – мрачно восклицает Сеймур.

– Король мне ничего не говорил – он ведь сказал бы что-нибудь! – торопливо говорит Екатерина. – Не переживай!

– Нет, Кит, это не просто слухи! Он отсылает меня прочь! – взрывается Сеймур.

Екатерине хочется схватить его за руки, облепить собой, слиться с ним воедино. Он отводит взгляд.

– Посмотри на меня, Томас!

Однако он не отрывает глаз от подоконника.

– Любимый!..

– Мне велено отбыть в Нидерланды на неопределенный срок.

– В Нидерланды?.. В качестве посла?

Сеймур кивает.

– Но... Я не понимаю... – Она целует его руку. – Разве представлять короля за морем – не большая честь?

Сеймур сжимает ее ладонь так, что перстень больно впиивается в кожу, и Екатерине чудится, что отпечаток сохранится навсегда. У Сеймура руки теплые, у нее холодные.

– С глаз долой – из сердца вон, Кит... Он хочет от меня избавиться!

– Да нет же... – Мысли у нее разбегаются. – Ведь это честь!..

– Ты не понимаешь! – кричит Сеймур. – Вдали от двора я не буду иметь никакого влияния! Я стану никем! А он... – Запнувшись, Сеймур выплевывает остаток фразы, словно

гнилой зуб: – Он получит тебя!

– Не получит он меня, не выдумывай, Томас!

– Ты не знаешь его так, как я!

– Ты поедешь в Нидерланды, выполнишь свой долг перед королем, через несколько месяцев вернешься, овеянный славой, и мы... – Екатерине хочется, чтобы он закончил: «И мы поженимся», – однако Сеймур говорит совсем другое:

– Я знаю мужчин, Кит. Я прекрасно понимаю, на что способен такой, как он, лишь бы заполучить желаемое.

– У тебя нет никаких оснований так думать. Это всего лишь слухи! – повторяет Екатерина, хотя червячок сомнения уже ползет под кожей.

– Он завладеет тобой! – злобно выговаривает Сеймур.

Слова больно ударяют в самое сердце. Екатерина чувствует, как рассыпается на куски. Пробита брешь в фантазиях, которыми она пыталась себя успокоить. Ах, если бы сбежать, сбежать подальше от дворца!..

– Поедем со мной! – шепчет Сеймур, словно читая ее мысли. Его горячее дыхание обжигает ухо, борода щекочет шею. – Мы уедем далеко-далеко...

Однако оба они понимают, что это не более вероятно, чем путешествие к звездам.

– Тсс... – Екатерина прикладывает палец к его губам, чувствуя, как внутри все покрывается льдом.

День за днем в своих мыслях она ткала историю их совместной жизни вдали от придворных интриг и завистливых

глаз. Теперь этот узорчатый гобелен рассыпается в прах. Екатерина не хуже Сеймура понимает, что всепроникающий гнев короля опалит их, где бы они ни скрылись. При мысли об отрубленной голове возлюбленного на Тауэрском мосту Екатерину пробирает дрожь. К тому же Сеймур честолюбив – он не пожелает всю жизнь скрываться в глуши, даже если бы это было возможно. Пора проститься с мечтами.

– На все Божья воля, – говорит она.

– Воля короля! – возражает Сеймур сквозь стиснутые зубы, и маленькая вена быстро бьется на его нахмуренном лбу. Екатерина прикасается к ней пальцем, чувствуя биение жизни, со вздохом опускает руку и тихо шепчет:

– Да...

Сеймур резко отворачивается, всплеснув плащом, и уходит, не подарив ей на прощание ни поцелуя, ни взгляда.

– Это ведь одно и то же, – добавляет Екатерина, но он уже не слышит, лишь гулкое эхо шагов да бряцание шпор разносятся по коридору.

Екатерина тщетно пытается собрать себя воедино – только как это сделать, когда рассыпалась в пыль?.. Сеймур скрывается за поворотом, и в сердце у нее остается огромная дыра, в которой зарождается крамольная мысль о том, что Господь мог бы поскорее призвать короля к себе.

Екатерина прислоняется к окну и вцепляется в подоконник, как будто это поможет ей удержать себя в руках. Люди выходят из часовни, поднимаются по лестницам, проходят

мимо, не замечая бледной, как смерть, женщины, застывшей у окна.

– Леди Латимер, какая неожиданная встреча! Почему же вас не было на мессе? – Анна Стэнхоуп помахивает перед носом букетиком цветов, словно ей претит запах недостаточно высокородной собеседницы. – Говорят, вы ищете себе мужа среди не самых лучших членов моей семьи.

Екатерина молча усмехается.

– Мне казалось, вы заслуживаете большего, чем младший брат, пусть даже и мой шурин, – продолжает Стэнхоуп, вращая своими змеиными глазами.

– Боюсь, вы ошибаетесь. При дворе ходит много слухов, и ничтожная доля из них правдива.

– Об этом все знают! – злорадно шипит Стэнхоуп. – Даже король! – добавляет она особенно выразительно. – Именно поэтому Томаса отсылают прочь!

– Вот как? – переспрашивает Екатерина с деланным бесстрашием, будто ее это совсем не трогает. Значит, правда! Стэнхоуп знает из первых рук – ведь никого нет ближе к королю, чем ее муж.

– Король не одобряет такие интрижки! – с презрением выговаривает Стэнхоуп.

– Не представляю, о чем вы, – невозмутимо отвечает Екатерина, пытаясь угадать, известно ли ей еще что-нибудь – например, истинные намерения самого короля. Однако та не подает виду.

Екатерина пытается себя утешить: если бы король действительно хотел сделать ее своей любовницей, Стэнхоуп наверняка была бы любезнее. Она отлично умеет играть в придворные игры и завоевывать расположение нужных людей.

– Умница Екатерина Парр прикидывается дурочкой, – фыркает Стэнхоуп. – Совсем на вас не похоже!

В груди у Екатерины закипает гнев, однако она любезно улыбается и меняет тему:

– Плывете ли вы завтра вместе с леди Марией?

Ей прекрасно известно, что нет, поскольку она сама составляла список лиц, приглашенных на баржу леди Марии, и Стэнхоуп в него не включила. Екатерине претит опускаться до ее уровня, и все же трудно отказать себе в этом удовольствии, зная, до чего большое значение Стэнхоуп придает негласной иерархии.

– Возможно, – отвечает та.

– Тогда до встречи завтра!

– Впрочем... Не исключено, что я выеду днем позже. Дел, знаете ли...

– Была рада побеседовать, графиня, – вежливо кивает Екатерина и неторопливо отходит, борясь с желанием пуститься бегом. Шаг за шагом она проходит через всю галерею, шаг за шагом спускается по лестнице, идет через двор и наконец оказывается у себя в покоях. Там бросается на кровать и дает волю рыданиям. Мысль об отъезде Томаса разливается по венам как яд, и Екатерина боится, что уже никогда

не станет прежней.

Хэмптон-Корт, Мидлсекс, июнь 1543 года

Дот поднимается за человеком лорда-стюарда по каменным ступеням, проходит через залы, по галерее, за угол, мимо королевской часовни и попадает в такие прекрасные покои, что захватывает дух. Стенные панели покрыты искусственными узорами – даже не верится, что это дерево, а не ткань. Изысканная лепнина на потолке выкрашена в синий – яркий и чистый, как небо в раю, – отделана золотом и расписана белыми и красными тюдоровскими розами (а то вдруг забудут, чей это дворец).

Камин похож на огромные мраморные ворота – такой высокий, что внутри свободно поместится человек. Кованые подставки для дров изощренностью узоров напоминают серьги великанши. Множество окон (Дот еще никогда не видела столько в одном помещении) заливают комнаты солнечным светом. Должно быть, это покои леди Марии, а леди Латимер достанется маленькая комнатка где-нибудь в дальних коридорах.

Однако человек лорда-стюарда останавливается и объявляет:

– Ну вот мы и на месте!

И целая армия носильщиков заносит в покои сундуки.

– Это покои леди Латимер? – уточняет Дот.

– Верно, – отвечает человек лорда-стюарда.

– Вы уверены?

– Смотри сама. – И он сует ей под нос какую-то бумагу. –

Все как по писаному: четыре комнаты в восточном крыле – общий зал, личные покои, спальня, гардеробная. – Он водит пальцем по строчкам, не догадываясь, что Дот не умеет читать.

– Понятно, – кивает она, и человек лорда-стюарда уходит.

Двое носильщиков вешают занавесы, еще двое собирают кровать. Дот ходит по комнатам, указывает, куда поставить то или другое, а сама ждет, что сейчас человек лорда-стюарда вернется, объявит, что произошла ошибка, и поведет их на какой-нибудь тесный чердак. Однако он не возвращается.

Хэмптон-Корт потрясает Дот еще больше, чем Уайтхолл. Расскажи ей кто-нибудь, что на свете бывают такие дворцы, она бы не поверила. Сюда ехали по Лондонской дороге; Дот, с Ригом под мышкой, тряслась на старой телеге в хвосте огромного обоза, вцепившись в кузов, чтобы не упасть, когда кто-то прокричал, что дворец уже виден, и она забралась на один из сундуков, чтобы посмотреть. Между деревьев замелькали кирпичные трубы затейливой кладки и зубчатые башенки, вздымающиеся к небу, а потом обоз свернул во двор, и Дот поразили розовые отсветы кирпичных стен, блеск окон и алмазное сияние фонтана. Уж не во сне ли она попала в тот марципановый дворец, что видела на королевской кухне в Уайтхолле?

Как зачарованная, Дот шла за человеком лорда-стюарда мимо статуй, фресок и гобеленов, переливающихся золотыми нитями, словно картины райской жизни. Хотелось остановиться и рассмотреть их как следует, поглазеть на лепные потолки, выглянуть из окна в огромные сады с прудами, полными рыбы, но человек лорда-стюарда стремительно шел вперед, и Дот за ним едва поспевала. Однако самым ярким впечатлением дня оказались покои леди Латимер – в том числе потому, что сама Дот тоже будет здесь жить.

* * *

Немного позднее ее провожают в кухню, куда ведет лестница позади большого общего зала. Там жарко, как в аду – пылает множество очагов, поднимается пар над десятками вертелов и кастрюль. Поваров, судомойщиков и прочих слуг не счесть; они снуют туда-сюда, ворочают туши, мешают сладкое варево в чанах, месят огромные куски теста – словом, готовятся к завтрашнему прибытию короля. Дот растерянно озирается, когда к ней подходит девушка – одна из немногих, потому что женщин на дворцовой кухне встретишь редко, обычно они трудятся в прачечной. У девушки круглое румяное лицо, проказливая улыбка и огромная грудь, похожая на две испанские дыни.

– Я Бетти Мелкер. Нас, девок, тут мало, надо держаться вместе! Тебя как зовут?

– Я Дороти Фаунтин, но обычно меня зовут просто Дот.

– Тогда и я буду звать тебя Дот. Ты чья служанка?

– Леди Латимер.

– О-о! – восклицает Бетти. – Той самой, о которой все болтают?

Дот не уверена, о чем речь, поэтому просто кивает и спрашивает:

– А ты кому служишь, Бетти?

Та в ответ заявляет, что служит «каждому встречному в этой проклятой кухне», и называет все свои многочисленные обязанности, перемежая их ругательствами. Постепенно из этой возмущенной речи Дот улавливает, что Бетти работает посудомойкой – вот почему у нее такие красные руки.

– Бетти, можешь показать мне, где у вас что? – просит Дот, когда та наконец умолкает. – Чую, я уже заблудилась.

Бетти охотно показывает ей амбар и варочную, рыбный двор и винные погреба, молочный двор и коптильню, ледник и кладовую для мяса, место, где можно набрать воды для стирки, и общие уборные надо рвом, где могут облегчаться одновременно двадцать восемь человек.

Напоследок Бетти показывает помещение, где сидят за столами кухонные клерки и пишут что-то в своих бумагах. Один из них привлекает внимание Дот. Пальцы у него перепачканы чернилами, темно-зеленые глаза словно колодцы, на дне которых мерцает вода. Волосы у клерка цвета конского каштана, а на подбородке есть ямочка, и Дот становит-

ся любопытно, поместится ли в нее палец. Клерк в задумчивости поднимает глаза, глядя сквозь Дот, считает что-то на пальцах, потом окунает перо в чернильницу и записывает на бумаге. Сердце Дот бьется быстрее, а в животе появляется тянущее чувство. В коридоре она спрашивает у Бетти, кто это был.

– Клерк-то? Не знаю. Они с нами не заговаривают – слишком мы низкого полета. А что?

– Да так...

– Ага! Вижу, ты заинтересовалась парнем, Дороти Фаунтин! – И Бетти дружески подталкивает ее локтем. – На что сдались тебе эти зазнайки-клерки, когда и простых пригожих ребят здесь пруд пруди? Чем он лучше иных конюхов? Был, знаешь, один... – И Бетти рассказывает о том, что происходит на кухне ночами, когда все укладываются спать на тюфяках перед очагом. – Кроме клерков, конечно, – уточняет она. – У тех-то свои комнаты.

Дот рада, что нашла подругу – жизнь во дворце будет нескучной. Позже, наверху, усталая после путешествия и распаковки сундуков, она раскидывается на кровати леди Латимер и мечтает о безымянном клерке с чернильными пальцами и загадочными глазами. Постепенно Дот засыпает с мыслью о том, что на свете есть человек, который умеет читать, – хотя по положению он настолько выше, что вряд ли обратит на нее внимание, даже если она будет разгуливать перед его носом в чем мать родила.

* * *

– Ты уверена, что это не ошибка? – уточняет Екатерина.

– Да, миледи, так было написано – человек лорда-стюарда мне сам показал, – отвечает Дот.

Екатерине становится неуютно. Она-то знает, что со времен Джейн Сеймур это покои королевы, и догадывается, что это означает. Сердце ее терзает тоска по Томасу, и порой делается невыносимо жить дальше с улыбкой, как будто мир не перевернулся.

Дот уходит, и Екатерина садится на кровать, рассеянно поглаживая распятие матери, а перед глазами стоит ладонь Томаса, протягивающая жемчужину. Мысли прерывает стук в дверь, и в комнату входит брат с довольной улыбкой от уха до уха.

– Уилл! – восклицает Екатерина и бросается к нему в объятия. – Я думала, ты на границе – устрашаешь шотландцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.